

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН
И ЛАБИРИНТ СМЕРТИ

Annotation

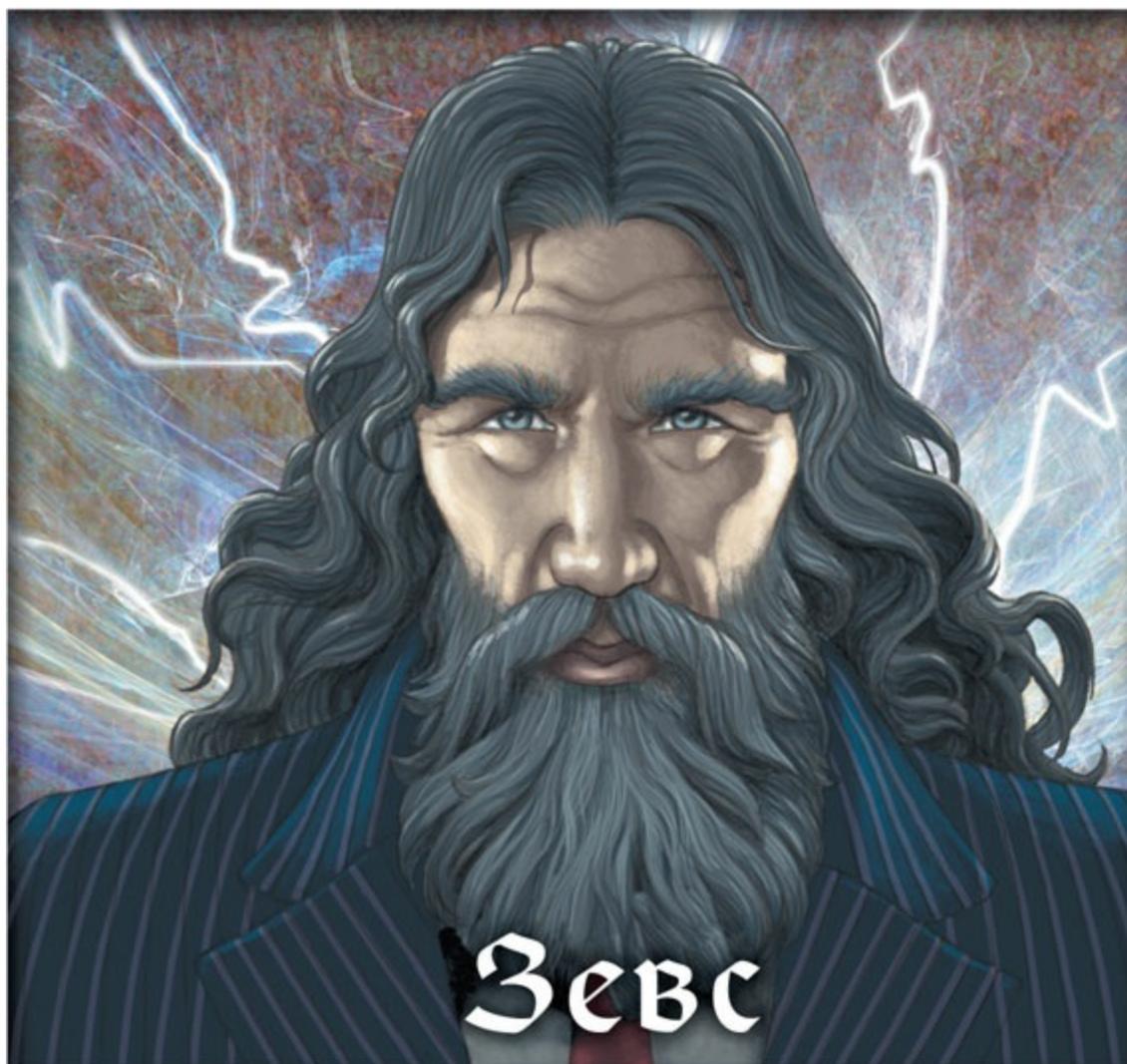
Приключения Перси Джексона продолжаются!

Лука, сын Гермеса и злейший враг Перси, задумал свергнуть богов с Олимпа и воскресить Кроноса, когда-то сброшенного в Тартар. Для этого он собирается использовать лабиринт – детище Дедала, величайшего в мире изобретателя. Этот лабиринт обладает чудесным свойством почти мгновенно переносить человека в любую точку планеты. Но он также является иместилищем страшных опасностей, и обителью кровожадных чудовищ... Поэтому без путеводной нити, которую хранит Ариадна, пройти его невозможно. Перси Джексон и друзья отправляются на поиски волшебной нити: они хотят опередить Луку и не дать ему осуществить свой коварный план.

Рик Риордан

Перси Джексон и лабиринт смерти

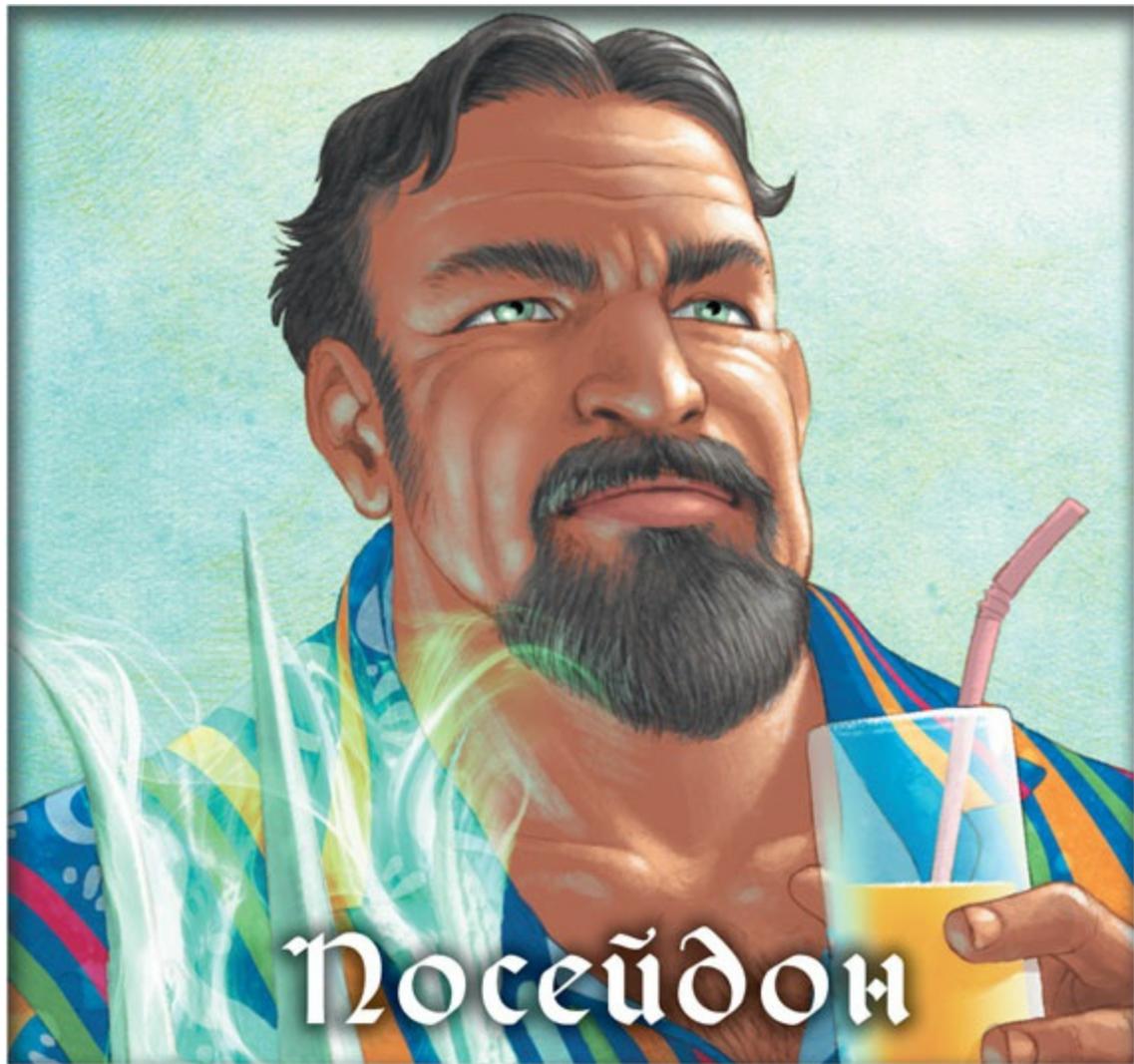
Бекки – той, кто ведет меня через лабиринт

Также известен как
Повелитель Небес
Владыка горы Олимп
Один из Большой Тройки

Место проживания
Гора Олимп
(теперь находится на 600-м этаже Эмпайр-стейт-билдинг)

Оружие по выбору
Жезл, извергающий молнии

Также известен как

Бог Морей

Один из Большой Тройки

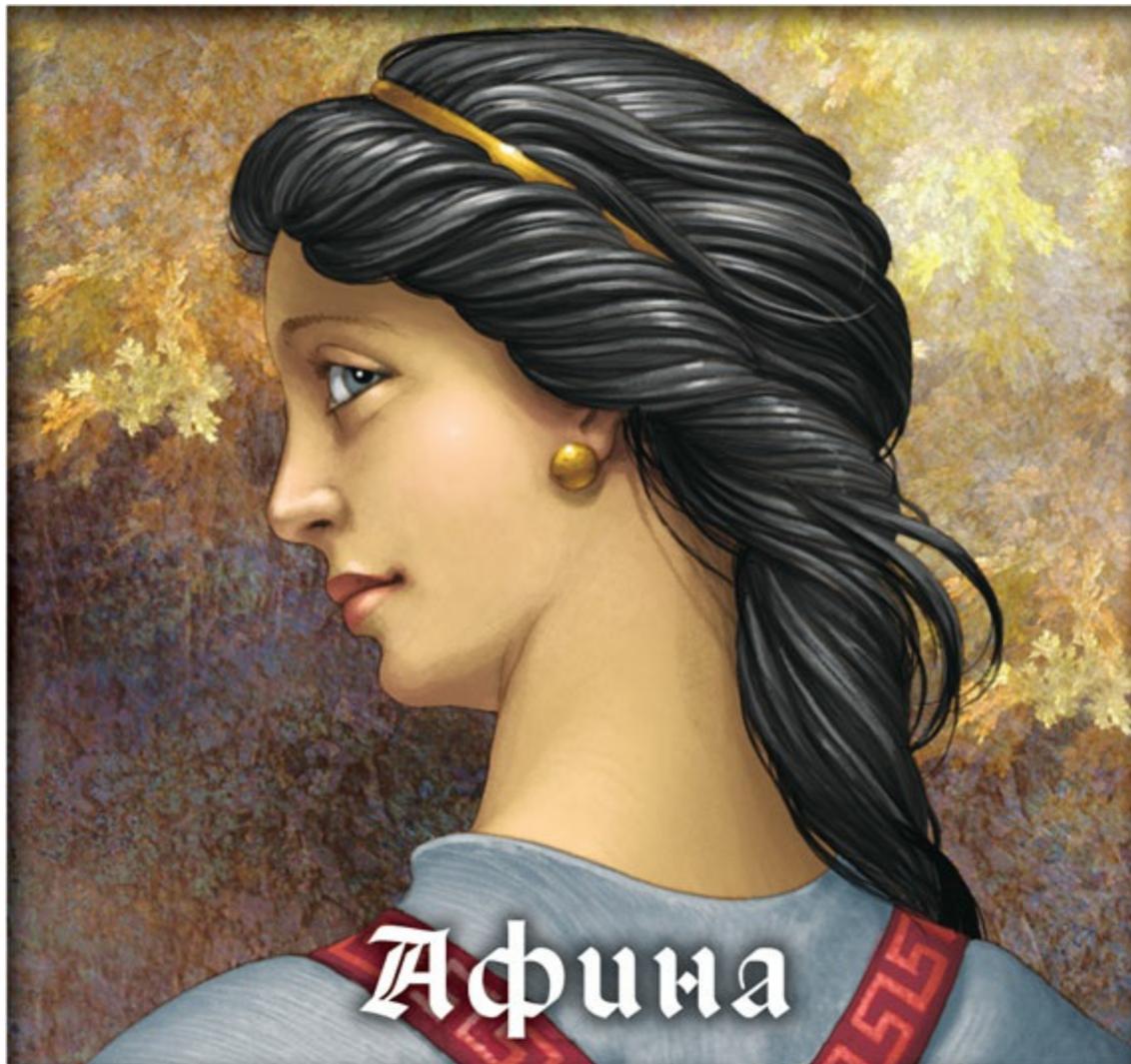
Отец Перси

Место проживания

Морские Глубины

Оружие по выбору

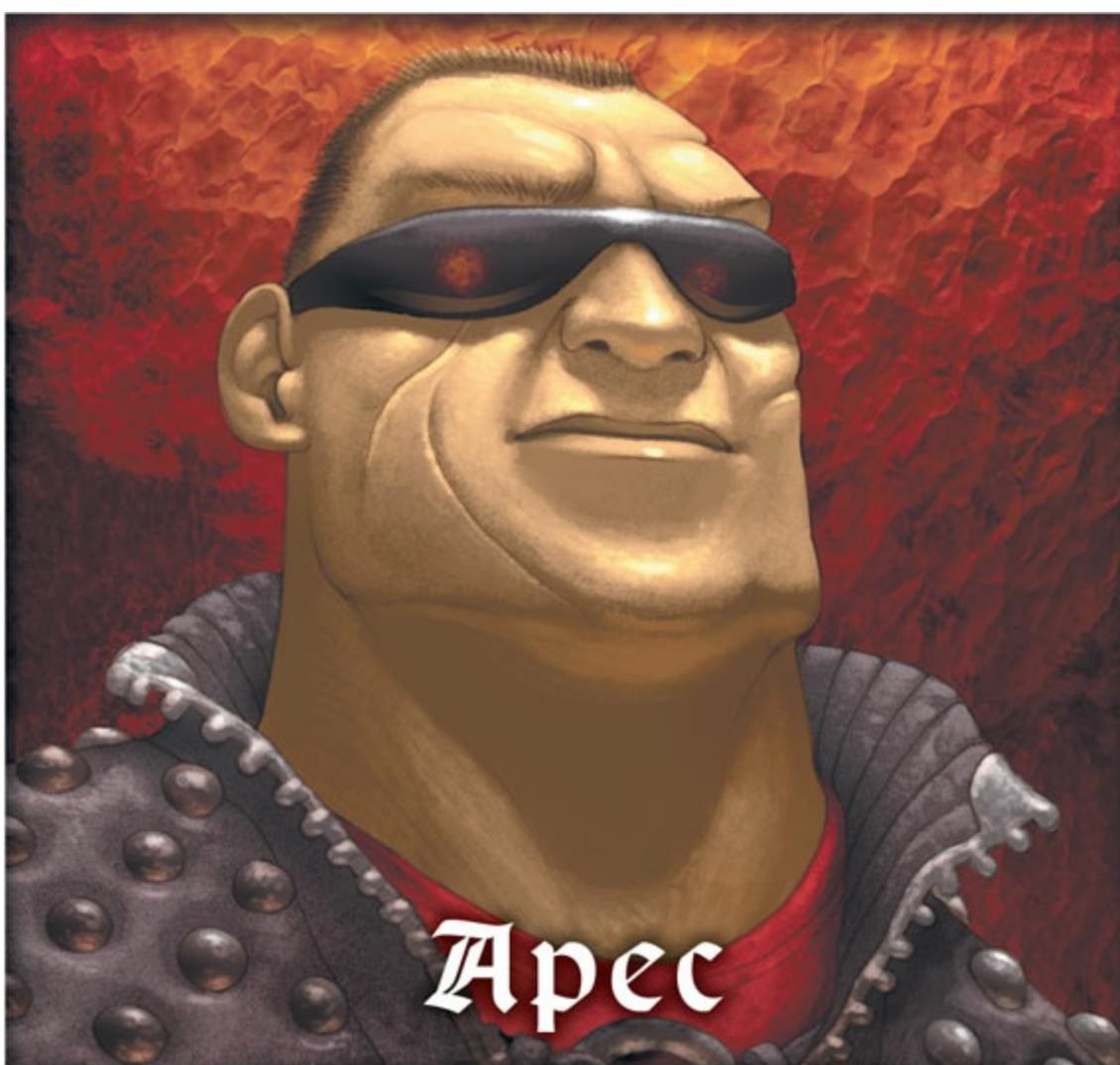
Трезубец

Также известна как
Богиня Мудрости и Войны
Мать Аннабет

Место рождения
Голова Зевса, откуда она появилась в полном боевом снаряжении

Оружие по выбору
Стратегия, хитрость и все, что подвернется под руку

Также известен как
Бог Войны
Отец Клариссы

Место проживания

Гора Олимп

(хотя на бампере его мотоцикла написано: «Я не родился в Спарте, но устремился сюда на всех парах»)

Оружие по выбору

Назови любое – он им воспользуется

Также известен как
Полубог, сын Посейдона
Рыбьи Мозги

Место проживания
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Оружие по выбору
Анаклузмос

Также известна как
Полубог, дочь Афины
Умница-разумница

Место проживания
Сан-Франциско, штат Калифорния

Оружие по выбору
Волшебная бейсболка «Янкиз», делающая ее невидимой
Кинжал из небесной бронзы

Также известен как
Козленок
Лучший друг Перси

Место проживания
Лес вблизи Лагеря полукровок

Предпочитаемое оружие
Свирель из тростника

Также известен как
Мистер Браннер
Бессмертный учитель героев
Заместитель директора Лагеря полукровок

Место проживания
Лагерь полукровок, Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк

Оружие по выбору
Лук и стрелы

Глава первая

Драка в новой школе

Чего мне меньше всего хотелось – так это устроить взрыв в новой школе. Особенно во время летних каникул. Но именно так все и произошло.

В понедельник утром в первую неделю июня мы с мамой сидели в машине перед входом в школу Гуди. Мама остановила свою малолитражку на 81-й Восточной улице, и мы с ней принялись рассматривать большое шикарное здание школы, у которого припарковалась целая шеренга разных «БМВ» и «линкольнов». Разглядывая причудливую каменную арку фасада, выходящего на Ист-Ривер, я прикидывал, примерно через сколько времени мне в этой школе хорошенько наподдадут и выставят вон.

– Расслабься, дружок. – Голос мамы звучал совсем не расслабленно. – Сегодня тебя ждет обычное собеседование. И пожалуйста, дорогой, имей в виду, здесь работает Пол, так что постарайся не устраивать... ну, ты понял.

– Ничего тут не взрывать?

– Вот именно.

Сейчас этот Пол Блофис – мамин друг – стоял на парадном крыльце и приветствовал будущих девятиклассников, которые поднимались по ступеням и входили в двери школы. В кожаной куртке, загорелый, с небольшой сединой в волосах, он здорово походил на какого-нибудь актера, хотя на самом деле был всего лишь учителем английского языка. Именно он сумел как-то убедить здешнее начальство принять меня в девятый класс, несмотря на то обстоятельство, что меня повыгоняли из всех школ, где я учился раньше. Честное слово, я предупредил его, что мысль эта дурацкая, но он и слушать ничего не захотел.

– Мам, ты ведь не сказала ему всей правды обо мне.

Я вопросительно глянул на маму и увидел, как ее пальцы принялись нервно барабанить по рулевому колесу. Отсюда она собиралась ехать на работу и сейчас сидела жутко нарядная – в лучшем синем платье и туфлях на высоких каблуках.

– Мне кажется, с этим пока можно не спешить, – призналась она.

– А то он еще испугается.

– Уверена, что сегодняшнее собеседование пройдет великолепно. Хоть одно утро ты мог бы вести себя прилично, Перси?

– Было бы здорово, – пробормотал я, – если б меня выставили из школы еще до того, как начнутся занятия.

– Старайся думать о приятном. Вспомни, завтра ты едешь в лагерь! А после собеседования у тебя свидание с девочкой.

– Какое еще свидание! – запротестовал я. – Это же просто Аннабет, мам. Ну ты тоже придумаешь!

– Но она специально приехала из лагеря для того, чтобы с тобой встретиться.

– Ладно тебе.

– Вы, кажется, собираетесь пойти в кино?

– Вроде того.

– И только вдвоем, правда?..

– Ну, мама!

Мама шутиливо подняла руки вверх, как бы сдаваясь, но я видел, что она изо всех сил старается не улыбаться.

– Тебе пора идти, дорогой. Вечером увидимся.

Я уже вылезал из машины, когда, бросив еще один взгляд на парадное крыльцо школы, увидел, что как раз в эту минуту с Полом Блофисом здоровается девчонка с мелкими рыжими кудряшками, в темно-бордовой футболке и джинсах с наклейками. Когда она повернулась и я разглядел ее лицо, у меня мурашки по коже побежали.

– Перси? – тут же встревожилась мама. – Что-нибудь случилось?

– Н-н-ничего, – промычал я. – У этой школы есть боковой вход?

– Направо, в конце здания. А что?

– Ничего. Все нормально... До вечера!

Мама начала что-то говорить, но я уже выбрался из машины и припустил бегом, надеясь, что эта рыжая меня не заметит.

Что она здесь делает? Нет, даже с моей невезучестью так вляпаться – это уж слишком!

Но как оказалось, это было только начало. Сегодня мне как раз предстояло убедиться в том, что судьба приберегла для меня еще кое-что покруче.

Незаметно пробраться туда, где проводилось собеседование, мне не удалось. Две наряженные в красно-белую форму девчонки из команды чирлидеров – ну, из тех, что болеют за свои футбольные команды и вытанцовывают с жезлами в руках, – дежурили у бокового входа, устроив засаду ничего не подозревающим новичкам.

– Привет!

Они заулыбались, и эти улыбки оказались первым и последним знаком дружелюбного отношения ко мне с их стороны.

У одной из девчонок были светлые волосы и холодные голубые глаза. Темные курчавые волосы другой – афроамериканки по происхождению – делали ее похожей на Медузу горгону (уж поверьте, я хорошо знаю, о чем говорю). Имена обеих были вышиты курсивом у них на униформе, но с моей дислексией^[1] эта вышивка несла в себе не больше информации, чем куча спагетти, вываленных на тарелку.

– Добро пожаловать в Гуди! – выкрикнула блондинка. – Ты обязательно полюбишь нашу школу!

Но когда ее глазки внимательно обежали меня сверху вниз и обратно, выражение лица резко изменилось. Теперь оно словно бы говорило: «Хм, это что за отстой?»

В это время вторая девчонка зачем-то подкралась ко мне поближе и теперь стояла почти вплотную, так что мне даже стало неприятно. Вглядевшись в надпись на кармане футболки, я прочел ее имя. «Келли». От нее сильно пахло розами и еще чем-то. Запах казался мне знакомым, так на уроках верховой езды пахнет от свежевывмытых лошадей. Конечно, довольно странно, что от чирлидерши несет конюшной, но, может, у этой Келли есть верховая лошадь или что-нибудь в этом роде. Как бы там ни было, она так потеснила меня, будто хотела столкнуть со ступенек. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление.

– Как тебя зовут, малек?

– Малек?

– Ну... новичок.

– Ну, тогда Перси.

Девчонки обменялись взглядами.

– А-а, Перси Джексон, – протянула блондинка. – Тебя-то мы и ждали.

От этого «а-а» у меня холодок пробежал по спине. Теперь они стояли, загоразивая мне выход, и улыбались как-то совсем не по-дружески. Рука моя инстинктивно потянулась к карману, где я держал свою шариковую авторучку, которая была смертоносным оружием. Оружием, которое я называл Анаклузмос. Это по-гречески, и вы скоро поймете, в чем тут дело.

Но тут откуда-то из недр здания послышался голос, окликавший меня.

Когда я увидел, что к нам по школьному коридору приближается Пол Блофис, я обрадовался ему так, как не радовался ни разу в жизни.

Девчонки отпрянули назад, я бросился между ними, но не рассчитал и нечаянно задел Келли коленкой по ноге.

Послышалось резкое «КЛАНГ!».

Удар вышел звонкий, с таким металлическим звуком, будто я ударился о флагшток.

– Ой, – застонала она и схватилась за ногу. – Смотри куда прешь, малек!

Я глянул на ее ногу – на вид это была обычная девчачья нога. Слишком напуганный для того, чтобы лезть к ним с вопросами, я просто бросился бежать по коридору, а эти чертовы чирлидерши позади меня разразились злорадным хохотом.

– Вот ты где, – сказал Пол. – Добро пожаловать в Гуди!

– Привет, Пол, э-э, то есть мистер Блофис.

Я оглянулся, но девчонки уже исчезли.

– Перси, у тебя такой вид, будто ты только что встретился с привидением.

– Ну да... только...

Пол ободряюще похлопал меня по спине.

– Слушай, парень, я понимаю, как ты нервничаешь, но это совершенно лишнее. У нас учится много ребят с повышенной возбудимостью и дислексией. Учителя знают, как с этим справляться.

Я еле-еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Если бы только моей единственной заботой были повышенная возбудимость и дислексия! Понимаете, я знал, конечно, что Пол хочет помочь мне, но если рассказать ему всю правду про меня, он точно бы решил, что я псих. Взять, например, этих девчонок в красно-белой униформе. У меня возникло дурное предчувствие...

Я огляделся вокруг и тут же понял, что на меня надвигается еще одна беда. Я стоял в вестибюле, а та рыжая девчонка, которую я увидел на парадном крыльце, как раз входила в здание школы.

«Только не наткнись на меня!» – мысленно взмолился я.

Конечно, она тут же меня заметила. И ее глаза изумленно расширились.

– Где тут... это, как его... собеседование? – спросил я у Пола.

– В гимнастическом зале. Это там. Тебе надо будет пройти во-о-он туда...

– Понял. Пока!

– Перси! – окликнул меня Пол, но я уже мчался прочь.

Кажется, я от нее удрал.

Я присоединился к группе ребят, направлявшихся в гимнастический зал, и скоро мы всей толпой – человек триста, не меньше, – вломились туда и стали рассаживаться на зрительских трибунах. Оркестр грянул какой-то боевой марш, однако музыка больше

походила на кошачьи вопли – словно по мешку, в который засунули десяток кошек, стучали металлической бейсбольной битой. Ребята постарше, наверное это были члены школьного совета, выстроились впереди, все в особой форме Гуди, и каждый скорчил такую рожу, будто хотел сказать: «Ну, кто тут самый крутой, если не я?» Учителя суетились рядом, улыбались и обменивались рукопожатиями со старшеклассниками. Стены зала украшали лозунги типа «Добро пожаловать, дорогие новички!», «В Гуди мы все одна семья» и далее в том же духе, так что мне сразу захотелось свалить отсюда.

Между прочим, никто из «дорогих новичков», похоже, не стремился поскорее оказаться в этой «одной семье». Я хочу сказать, что приглашать людей на собеседование в июне, когда занятия начнутся аж в сентябре, – настоящее свинство. Но, как утверждает школа Гуди в собственном рекламном буклете: «Мы первые готовы быть первыми!»

Оркестр неожиданно замолчал. К микрофону подошел какой-то тип в парадном костюме и начал что-то говорить. Я стал было слушать, но от стен хлынуло такое эхо – ни одного слова не разберешь. Может, он просто прочищал горло?

И тут кто-то схватил меня за плечо и прошептал:

– Что ты тут делаешь?

Я оглянулся: это была она. Та рыжая.

– А-а, Рейчел Элизабет Дэр, – пробормотал я.

У нее челюсть отвисла от удивления – кажется, она не могла поверить, что я в той переделке умудрился запомнить ее имя.

– А ты Перси... как-тебя-там? В декабре, когда ты пытался меня убить, я не обратила внимания на твою фамилию.

– Послушай, ну я тогда не мог... не был... Что ты тут делаешь?

– То же, что и ты. Пришла на собеседование.

– Разве ты живешь в Нью-Йорке?

– А ты решил, что я прямо там и живу, на плотине Гувера?

Нет, мне это и в голову не приходило. Но когда я ее вспоминал (не подумайте только, что я эту рыжую девчонку все время вспоминаю, ничего подобного. Так, иногда, очень даже редко), мне всегда казалось, что она и впрямь живет около плотины Гувера, поскольку именно там мы и встретились. В тот раз наша встреча длилась не больше десяти минут, но за это время я случайно замахнулся на нее мечом, она спасла мне жизнь, а потом нам с друзьями пришлось спешно уносить ноги от целой шайки скелетов-убийц. Сами понимаете – обычный способ познакомиться! Неудивительно, что эта девчонка меня запомнила.

Какой-то парень позади сердито зашептал:

– Потихе нельзя? Сейчас будут выступать чирлидеры.

– Привет, ребята! – затарахтела в микрофон та самая блондинка, которая повстречалась мне у бокового входа. – Меня зовут Тамми, а вот ее вы можете звать Келли.

И в тот момент, когда эта самая Келли делала на сцене колесо, Рейчел рядом со мной вдруг взвизгнула так, будто в нее ткнули булавкой. Кое-кто из ребят стал оглядываться и хихикать, но она, ни на кого не обращая внимания, с ужасом уставилась на двух девчонок в красно-белой форме. Тамми сделала вид, будто ничего не заметила, и начала вещать о тех грандиозных делах, которые нас ждут в их школе.

– Бежим, – прошипела мне Рейчел. – Скорее!

– С чего это вдруг?

Но она не стала ничего объяснять, а вместо этого стала быстро-быстро пробираться к

проходу между трибунами, не обращая внимания на хмурые взгляды учителей и ворчание ребят, которым наступала на ноги.

Я нерешительно оглянулся. Тамми как раз говорила, что сейчас начнется знакомство со школой, а значит, мы все должны разбиться на небольшие группы и отправиться на экскурсию. Келли же смотрела на меня в упор и так ехидно улыбалась, будто специально ждала, что я сделаю: пойду за Рейчел или нет. Будет просто отвратительно, если я уйду прямо сейчас. А тут еще Пол Блофис вместе с другими учителями... Представляю, как он удивится!

Но тут я кое-что вспомнил о Рейчел Элизабет Дэр и ее способностях – весьма странных, надо сказать, – продемонстрированных прошлой зимой на плотине Гувера. Она запросто вычислила группу охранников, которые не только охранниками, но даже и людьми-то никакими не были. Сердце у меня забухало от волнения, я тихонечко поднялся и поспешил следом за ней из гимнастического зала.

Рейчел обнаружилась в музыкальном классе, она спряталась в секции ударных инструментов и сидела там, пригнувшись, позади бас-барабана.

– Беги скорей сюда! – позвала она меня. – Да пригни голову пониже!

Чувствуя себя как нельзя более глупо, я тем не менее все-таки подошел и сел рядом с ней за грудой бонго^[2].

– Они заметили, как ты выходил? – спросила Рейчел.

– Ты имеешь в виду девчонок из команды чирлидеров?

Она нервно кивнула.

– Нет, наверное... А кто они? Что ты увидела?

В зеленых глазах Рейчел ясно читался страх. По носу ее красовалась целая куча веснушек, здорово напоминая россыпь небесных созвездий. На футболке была надпись «Гарвард. Факультет истории искусств».

– Ты... – пробормотала она, – ты мне не поверишь.

– Ты что, конечно, поверю, – пообещал я. – Я уже понял, что ты способна видеть сквозь Туман.

– Сквозь что?

– Туман. Это... ну такая вуаль, которая скрывает настоящий облик вещей. Некоторые смертные рождаются со способностью видеть этот облик. Как ты, например.

Рейчел внимательно меня выслушала, потом заметила:

– Вот и тогда, на плотине Гувера, ты так же говорил. Называл меня «смертной», будто ты сам не такой.

При этих словах мне показалось, что у меня прямо под ухом кто-то ударил в бонго. О чем я думаю, когда умудряюсь такое брякнуть? Тут ведь никому ничего не растолковать, можно даже не пытаться.

– Объясни мне, пожалуйста, – попросила она. – Ты ведь понимаешь, что это значит?.. Ну, все те ужасные вещи, которые я вижу.

– Ну ладно, слушай. Только имей в виду: то, что я буду говорить, может показаться тебе довольно странным. Ты слыхала что-нибудь про греческую мифологию?

– Это... про Минотавра и Гидру?

– Ну да, только старайся не называть их по именам, когда я рядом, хорошо?

– И фурии! – Рейчел воодушевилась. – Там еще всякие сирены были и...

– Хватит, хватит!

Я осторожно огляделся, не сомневаясь, что из-за слов, сказанных Рейчел, сейчас из стен выскочат кровожадные чудовища и набросятся на нас. Однако ничего подобного не произошло. Мы были одни. Из коридора доносился топот многочисленных шагов, это ребята выходили из гимнастического зала, чтобы, разбившись на группы, начать знакомство со школой. У нас с Рейчел было не очень много времени.

– Так вот, все эти чудовища, – продолжал я, – и все греческие боги, они существуют на самом деле.

– Я так и знала!

Ох, мне гораздо больше понравилось бы, если б она попросту назвала меня вруном. Но Рейчел смотрела на меня с таким видом, будто ее самые худшие подозрения только что подтвердились.

– Ты даже не знаешь, как мне было плохо, – пожаловалась она. – Долгие годы я боялась, что сойду с ума. Никому не могла даже рассказать про это. Я не могла... – Тут она прищурилась и изучающе уставилась на меня. – Обожди. А сам ты кто? Я имею в виду, на самом деле?

– Уж не чудовище, можешь не сомневаться.

– Это я и сама вижу. Я бы почувствовала, если б ты им был. Ты выглядишь ну... в общем, как все люди. Но ты ведь не обычный человек, правда?

Я сглотнул. Хотя за три года я уже ухитрился привыкнуть к мысли о том, кто я на самом деле, но мне еще никогда не приходилось говорить об этом ни с кем из смертных. Кроме мамы, конечно, но она и сама все знала. Не знаю почему, но я решился.

– Таких, как я, называют полукровками, – признался я. – Я только наполовину человек.

– А наполовину кто?

И ровно в этот момент в музыкальный класс ворвались Келли и Тамми. Створки двери оглушительно захлопнулись за ними.

– Ах, так вот ты где, Перси Джексон, – прошипела Тамми. – Что ж, пришло время твоего собеседования.

– Какие они гадкие! – выдохнула Рейчел.

Чирлидерши по-прежнему щеголяли в красно-белой форме, но теперь обе они вооружились малокалиберными скорострельными пистолетами.

– На что они похожи, по-твоему? – быстро спросил я, но Рейчел и слова не могла вымолвить от ужаса.

– Забудь о ней!

Выкрикнув эти слова как приказ, Тамми послала мне сияющую улыбку и двинулась в нашу сторону. Келли осталась у дверей, блокируя выход.

Мы оказались в ловушке. Я вроде понимал, что путь к выходу мне придется прокладывать силой, но веселая улыбка на лице Тамми как-то обескураживала меня. Ее голубые глаза так ярко сверкали, и она до того красиво отбрасывала волосы за спину, когда они ей мешали...

– Перси, – предупреждаяще шепнула Рейчел.

На что я чрезвычайно остроумно отозвался:

– А? Чего?

Тамми уже стояла рядом. И пушка, которую она держала в руке, была нацелена прямо на

нас.

– Перси! – Голос Рейчел раздавался где-то далеко-далеко. – Приди в себя, ради бога!

Мне понадобилась вся моя воля, чтобы выхватить из кармана авторучку и сдернуть с нее колпачок. Ручка в одно мгновение превратилась в Анаклузмос – выкованный из бронзы меч длиной около трех футов. От него заструился слабый золотистый отсвет, и улыбка Тамми превратилась в злобную гримасу.

– Брось ты это, – запротестовала она. – К чему такие глупости? Лучше поцелуй меня.

От нее пахло розами и одновременно мехом какого-то животного, странный, одурманивающий запах...

Рейчел больно ущипнула меня за руку.

– Ты что, не видишь, она хочет укусить тебя! Посмотри же на нее как следует!

– Она просто ревнует. – Тамми бросила косой взгляд на Келли. – Можно мне его поцеловать, госпожа?

Келли, все еще загораживая выход, с жадностью облизнулась.

– Валяй, Тамми! Молодчина!

Тамми придвинулась еще на шаг, но я сделал выпад, и кончик лезвия уперся в ее грудь.

– Назад!

Она зарычала.

– Малек, – с отвращением процедила она. – Это *наша* школа, полукровка. И здесь мы пожираем кого хотим.

И вдруг прямо у меня на глазах она стала меняться. Все краски жизни отхлынули с ее лица и рук. Кожа стала мертвенно-бледной, глаза налились кровью, рот ощерился клыками.

– Вампирша! – ахнул я и случайно бросил взгляд на ее ноги.

Пониже юбки ее левая нога была темно-коричневой, волосатой и заканчивалась ослиным копытом. А правая по форме почти совсем походила на человеческую, но отливала металлическим блеском. Она была сделана из бронзы.

– То есть вампирша с ногами...

– Ни слова о моих ногах! – огрызнулась Тамми. – Грубо и не смешно!

И она двинулась на меня, переставляя свои чудовищные разные ноги. Теперь она выглядела просто нелепо, особенно с этой малокалиберной пушкой, но мне, я вам прямо скажу, было не до смеха. На меня смотрели красные кровожадные глаза, а рот скалился острыми клыками.

– Вампирша, говоришь? – Келли рассмеялась. – Глупый миф, основанный исключительно на нашем существовании, болван. Мы – эмпусы^[3], слуги Гекаты.

– Мгмм, – промычала Тамми и подобралась ко мне еще ближе. – Мы сотворены черной магией из тел животных, бронзы и духов ночи! Мы пришли в этот мир, чтобы питаться кровью молодых мужчин. А ну-ка подойди ко мне поближе, я хочу поцеловать тебя!

Ее пасть распахнулась, обнажая жуткие огромные клыки, я замер как парализованный и не мог даже пошевелиться, но в этот момент Рейчел вдруг схватила малый барабан и швырнула его прямо в голову эмпусы!

Демоница зашипела от злобы и отшвырнула его в сторону. Барабан с грохотом покатился по проходу между музыкальными стойками, и каждый раз, когда он натыкался на опоры, из недр барабана раздавался страшный гул. Тогда Рейчел швырнула в Тамми ксилофон, но та с легкостью отбила и его.

– Я обычно не убиваю девчонок, – прорычала она, – но для тебя, смертная, я, пожалуй,

сделаю исключение. Уж слишком хорошо ты видишь!

И бросилась на Рейчел.

– Нет!

Я взмахнул Анаклузмосом и нанес удар. Тамми попыталась увернуться, но стоило лезвию меча коснуться ее тела, как оно с треском взорвалось и обратилось в облако пыли. Рейчел судорожно закашляла, я оглянулся и увидел, что на нее оседают хлопья этой самой пыли и теперь она выглядит так, будто над ее головой опрокинули целый мешок муки.

– Классно!

– С чудовищами всегда так, – ответил я. – Извини...

– Ты убил мою ученицу! – взвизгнула Келли. – Ну погоди, полукровка, ты у меня сейчас узнаешь, какие уроки преподают в нашей школе!

И тут она тоже стала меняться. Курчавые волосы превратились в языки пламени, глаза засверкали кровавым блеском, в мгновение ока выросшие клыки клацнули. Она бросилась на нас, ее бронзовая нога и копыто отвратительно зацокали по полу музыкального класса.

– Я старшая эмпуса! – рывкнула она. – И ни одному из героев еще не удалось меня перехитрить! За целую тысячу лет!

– В самом деле? – улыбнулся я. – Тогда ты опоздала родиться.

Келли двигалась намного быстрее Тамми. Она увернулась от моего первого выпада и колесом покатила по проходу. Раздался грандиозный грохот, там стояли медные духовые инструменты, и эмпуса посшибала на пол все тромбоны. Рейчел мигом убралась у нее с пути, а я поскорее переместился так, чтобы встать между ней и эмпусой. Келли кружила вокруг нас, взгляд ее беспокойно перебегал с меча на мое лицо.

– Что за симпатичное маленькое лезвие, – проворковала она. – Какая жалость, что оно очутилось между нами.

Ее облик каждую секунду менялся – уродливое чудовище в следующее мгновение превращалось в капитаншу чирлидеров. Я старался не отвлекаться и не обращать внимания на эти метаморфозы, но они меня здорово отвлекали.

– Бедняжка, – хихикнула Келли, – даже не понимаешь, что готовится, правда? Ничего, скоро запыхает твой лагерь ярким пламенем и станут твои друзья рабами повелителя времени! А ты ничем не сможешь им помочь! Поэтому будет милосердным положить конец твоей жалкой жизни прямо сейчас, пока ты этого еще не увидел.

В эту минуту из коридора слышались приближающиеся голоса, это группа школьников, осматривавших школу, подходила к музыкальному классу. Какой-то преподаватель объяснял им что-то насчет системы дверных замков.

Глаза эмпусы вспыхнули радостью, она воскликнула:

– Прекрасно! Сейчас здесь соберется отличная компания!

Она схватила большую трубу и метнула ее в меня. Мы с Рейчел быстро пригнулись, труба пролетела над нашими головами и ударила в окно. Стекло вдребезги разбилось, осколки со звоном посыпались на пол. Голоса в коридоре мгновенно стихли.

– Перси! – с притворным испугом вскрикнула Келли. – Зачем ты бросил в меня трубу?

Я так удивился, что даже не нашелся что ответить. А она тем временем схватила музыкальную стойку и замахнулась ею на стоявшие в ряд кларнеты и флейты. Музыкальные инструменты, а за ними и стулья с громом и воем повалились на пол.

– Прекрати! – крикнул я эмпусе.

Шум приближавшихся шагов в коридоре возобновился, они становились все громче.

– Пора поприветствовать наших милых зрителей!

Клык Келли кроважидно обнажился, и она бегом кинулась к дверям. Я бросился следом за нею, так как ужасно испугался, что она нападет на смертных. В руках я сжимал Анаклузмос.

– Перси, остановись! – раздался позади крик Рейчел.

Но я все не мог понять, что намерена устроить Келли. Зато когда понял, было уже слишком поздно.

Эмпуса рывком распахнула дверь. Пол Блофис и группа новичков в шоке застыли в коридоре. Я тоже застыл, сжимая при этом в руке поднятый меч.

В следующую секунду Келли в облике трогательной школьницы – жертвы злодея – обернулась ко мне и жалобно воскликнула:

– О, пожалуйста, не надо!

Но сдержать движение клинка я уже не мог. Лезвие стремительно опускалось на ее голову.

За мгновение до того, как выкованный из небесной бронзы меч обрушился на нее, Келли взорвалась факелом огня. Взрыв вышел такой силы, будто внутри капитана чирлидеров вспыхнула бутылка с коктейлем Молотова. Волны огня с чудовищной быстротой разом охватили все стены класса.

Таких иллюминаций чудовища при мне еще никогда не устраивали, но времени любоваться у меня не было. Когда дверной проем занялся пламенем, я поспешно отступил в комнату.

– Перси?! – Пол Блофис смотрел на меня через языки огня, он выглядел вконец опарашенным. – Что ты наделал?

Школьники с визгом бросились врассыпную по всему вестибюлю. Завыла сирена пожарной тревоги. Ожили и зажурчали фонтанчики воды, установленные на потолках.

В этом хаосе Рейчел потянула меня за рукав и сказала:

– Тебе надо смываться отсюда.

Она была права. Здание школы пылало огнем, и в этом наверняка обвинят меня. Смертные не умеют видеть сквозь Туман, для них будет совершенно ясно, что я напал на Келли, и свидетелей этому найдется целая сотня. А как мне объяснить, что произошло на самом деле? Я отвернулся от Пола и бросился к разбитому окну.

Я со всех ног удирал по аллее вдоль 81-й Восточной улицы и тут наткнулся прямо на Аннабет.

– Эй, ты явился рано! – воскликнула она со смехом, придерживая меня за плечо. – Смотри, куда бежишь, Рыбы Мозги!

Какую-то долю секунды она еще пребывала в хорошем настроении. На Аннабет были джинсы и оранжевая фирменная лагерная футболка, на шее болтались ее любимые керамические бусы, волосы на затылке убраны в хвостик, серые глаза весело улыбались. В общем, она выглядела так же, как выглядит обычная девчонка, которая собралась пойти в кино, а потом отлично провести вечер и как следует повеселиться.

Но тут на аллею ворвалась Рейчел Элизабет Дэр, все еще покрытая пылью, и завопила:

– Перси, подожди-и!

Улыбка Аннабет растаяла. Она недоуменно посмотрела сначала на Рейчел, потом на школу. Заметила черный дым за моей спиной, услышала завывание пожарной сирены и

нахмурилась.

– Что на этот раз? И кто она такая?

– Ох, Рейчел, познакомься, это Аннабет. Аннабет, это Рейчел... моя подруга, – сказал я и после некоторого колебания добавил: – Типа того.

Мне самому было неясно, могу ли я называть Рейчел своей подругой. Я хочу сказать, что все-таки мы были пока мало знакомы, но так как мы с ней уже дважды оказывались в смертельно опасных переделках, то относиться к ней как к постороннему я не мог.

– Привет, – бросила Рейчел и снова обернулась ко мне. – У тебя могут быть серьезные неприятности! И не забудь, что ты обещал мне все объяснить!

Со стороны ФДР-драйв^[4] донеслось завывание полицейских сирен.

– Перси, – холодно прервала ее Аннабет, – нам пора.

– Мне нужно узнать больше о полукровках, – не обращая на нее внимания, продолжала Рейчел. – И о чудовищах. И всю эту чепуху про богов. – Она выхватила фломастер и с размаху начиркала на моей ладони какой-то телефонный номер. – Позвонишь мне и все объяснишь, хорошо? Ты просто обязан это сделать. А теперь тебе пора сматываться.

– Но...

– А в школе я что-нибудь сочиню, – пообещала она. – Скажу им, что ты тут ни при чем. Беги!

Рейчел повернулась и побежала обратно к школе, оставив нас с Аннабет на улице.

Аннабет секунду молча смотрела на меня в упор, затем повернулась спиной и пошла прочь.

– Эй! – Я кинулся за ней следом. – В школе оказались две эмпусы, – стал я объяснять на ходу, – прикинулись, понимаешь, чирлидерами. А потом они сказали, что наш лагерь сгорит и что...

– Ты рассказал смертной девчонке о полукровках?!

– Она и сама умеет видеть сквозь Туман. Она распознала этих чудовищ еще раньше, чем я.

– Поэтому ты ей все разболтал?

– Мы с ней познакомились на плотине Гувера, и еще там...

– Ты встречался с ней раньше?

– Ну да, один раз. Прошлой зимой. Нет, на самом деле я ее почти не знаю.

– Твоя Рейчел довольно симпатичная.

– Да я об этом вовсе и не думал!

Аннабет, не сбавляя шага, шла в сторону Йорк-авеню.

– В школе мне понравилось. – Я постарался переменить тему беседы. – Обязательно пойду туда осенью, честно! Будет здорово.

Аннабет, даже не посмотрев в мою сторону, небрежно бросила:

– Что-то мне подсказывает, что наша прогулка не состоится. Тебе надо сматываться отсюда, пока тебя не заграбастала полиция.

Позади нас над школой Гуди столбом вставал дым. В мрачном языке пепла мне виделось хохочущее лицо чудовища с красными глазами. Оно смеялось надо мной.

«Скоро запылет твой лагерь ярким пламенем и станут твои друзья рабами повелителя времени!» – вспомнил я слова Келли, и сердце мое упало.

– Ты права, – сказал я Аннабет. – Нужно спешить в лагерь. Нельзя медлить ни минуты.

Глава вторая

Прерванный вызов из царства мертвых

Ничто не может так испортить прекрасное утро, как долгая поездка в такси с рассерженной девчонкой.

Я снова и снова пытался разговорить Аннабет, но она вела себя так, будто я только что замочил ее любимую бабушку. Все, чего я сумел от нее добиться, – лаконичная информация о том, что весной в Сан-Франциско ей досаждали чудовища, после Рождества она дважды побывала в лагере (меня это сильно задело, ведь она даже не позвонила мне, когда приезжала в Нью-Йорк!) и что ей ничего не известно о Нико ди Анджело (это длинная история). Почему она ездила зимой в лагерь, Аннабет мне не сообщила.

– А от Луки были известия? – спросил я.

Она отрицательно покачала головой. Я знал, как болезненна для нее эта тема. Аннабет всегда восхищалась Лукой, бывшим старостой домика Гермеса в лагере, который предал нас и примкнул к силам Кроноса, повелителя злобных титанов. Аннабет никогда не признавалась, но я догадывался, что она все еще любит Луку. Прошлой зимой, когда мы сражались против него на горе Тамалпаис, он ухитрился выжить после падения с пятидесятифутовой скалы. Сейчас, насколько мне было известно, он продолжал плавание на захваченном монстрами круизном лайнере, пока его разрубленный на куски повелитель Кронос отлеживался в золотом саркофаге, восстанавливая по грамму свою плоть и выжидая, пока не обретет достаточно мощи, чтобы послать вызов богам-олимпийцам. Все это в разговоре между нами, полукровками, обозначалось словом «Проблема».

– Гора Тамалпаис с тех пор так и кишит чудовищами, – сказала Аннабет. – Я не решилась подобраться к ней поближе, но не думаю, что Лука все еще там. Я почувствовала бы его присутствие.

Сами понимаете, от этих слов настроение мое не улучшилось.

– Как дела у Гроувера? – спросил я.

– Он в лагере. Сегодня ты с ним увидишься.

– Ему повезло с поиском? Я хочу сказать, его попытки разыскать бога Пана удались?

Аннабет принялась теревить бусы на шее, как делала всегда, когда волновалась.

– Сам узнаешь, – пробормотала она нехотя. Но так ничего и не объяснила.

Когда мы ехали через Бруклин, я попросил у Аннабет телефон, чтобы позвонить маме. Обычно мы, полукровки, стараемся не пользоваться мобильниками, потому что посылать наши голоса в эфир – это все равно что так прямо и объявить чудовищам: «Ку-ку, я тут! Съешьте меня, пожалуйста!» – но этот звонок был для меня очень важен. Я оставил на нашем автоответчике голосовое сообщение, в котором постарался объяснить все, что произошло в школе Гуди. Боюсь только, что мне не очень-то это удалось. Еще сказал маме, что со мной все в порядке, пусть она не беспокоится, и что я останусь в лагере до тех пор, пока дело не наладится. И еще попросил ее извиниться за меня перед Полом Блофисом.

После этого мы долго ехали в полном молчании. Город постепенно таял вдаль, а потом и совсем исчез из виду, когда машина покинула скоростное шоссе и покатила по проселочной дороге в северной части Лонг-Айленда, мимо фруктовых садов и виноградников и ларьков, где продают самые свежие продукты.

Почему-то мне все время попадался на глаза тот телефонный номер, что нарисовала на моей ладони Рейчел Элизабет Дэр. Я понимал, какая это глупость, но мне ужасно хотелось позвонить ей. Может, она объяснит мне, что значили слова эмпусы о том, что лагерь будет сожжен, а мои друзья захвачены в плен. И почему, когда Келли взорвалась, поднялась такая пыль?

Я уже давно усвоил, что когда чудовищ убивают, они погибают не навсегда. Мало-помалу – на это могут потребоваться недели, месяцы, а может, даже годы – они вновь формируются из кипящей мерзостью первичной материи Царства мертвых. Но все равно, обычно монстры не так легко обращались в прах. Если эта Келли, конечно, и в самом деле была уничтожена.

Такси свернуло на дорогу 25А, и мы поехали через лес, который все тянулся и тянулся вдоль северного побережья, пока слева не показалась низкая гряда холмов. Когда Аннабет попросила водителя повернуть на проселочную дорогу номер 3.141, что вилась у подножия Холма полукровок, он нахмурился.

– Там местность плоская, как стол, мисс, и ни одного дома. Вы не ошибаетесь?

– Не ошибаюсь. Будьте добры, поезжайте.

Аннабет протянула ему плату за проезд, и он счел за лучшее не спорить.

На гребень холма мы с Аннабет взбирались пешком. Охранник – молодой сторожевой дракон – обвился вокруг сосны и дремал, но когда мы приблизились, мгновенно проснулся и, увидев нас, задрал голову, чтобы ему пощекотали под подбородком. Когда Аннабет сделала это, у него от счастья аж пар повалил из ноздрей, как из чайника. Дракон закатил глаза и замер.

– Привет, Пелей, – сказала Аннабет. – Все тут у нас в порядке?

Последний раз, когда я видел Пелея, в нем было едва футов шесть росту, теперь же он вытянулся примерно в два раза, а по толщине не уступал тому дереву, на котором дремал. Над его головой, на самой нижней ветке, сверкало золотое руно, чья магическая сила защищала наш лагерь от вторжения. Дракон казался умиротворенным и расслабленным, а это означало, что в лагере все спокойно. Да и сам лагерь – раскинувшиеся под холмом прямо у наших ног зеленые поля, лес, белые здания в греческом стиле – выглядел мирно. Четырехэтажная постройка, именуемая Большим домом, гордо возвышалась среди полей клубники. К северу от Большого дома, за пляжем, искрилась под солнечными лучами вода залива Лонг-Айленд.

Но что-то... что-то неясное внушало мне тревогу. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, будто сам холм затаился и сдерживает дыхание в предчувствии опасности.

Когда мы сбежали с вершины холма в долину, перед нашими глазами предстал обычный вечер летней смены. Большая часть ребят, как я понимаю, прибыла сюда в прошлую пятницу, и теперь все занимались делом. Сатиры бродили по полям клубники, наигрывая на свирелях, и магия музыки заставляла ягоды созревать быстрее. У нескольких ребят проходил урок верховой езды – оседлав пегасов, они парили над лесом. Трубы кузниц дымились, и изнутри доносился стук молотов, там занимались ковкой, изготавливая оружие для продажи в магазинчиках народных ремесел. Две команды, сформированные из представителей домиков богинь Афины и Деметры, состязались на беговой дорожке в гонках на колесницах, а на озере команда подростков, сидевших в греческой триреме, сражалась с большим, оранжевого цвета морским змеем. В общем, ничего особенного, обычный летний денек в лагере.

– Мне нужно переговорить кое о чем с Клариссой, – бросила мне Аннабет.

Я уставился на нее с таким видом, будто она сказала: «Мне нужно съесть большой вонючий сапог», и только потом спросил:

– Зачем?

Клариссу из домика Ареса я терпеть не могу, на мой взгляд, она хуже всех в лагере. Подлая девчонка, противная задира. Ее отец, бог войны, пообещал разделаться со мной, поэтому теперь она регулярно пытается вышибить мне мозги. В остальном, надо признать, она неплохой товарищ.

– Мы с ней кое над чем работаем вместе, – туманно объяснила Аннабет. – Ладно, увидимся попозже. Пока!

– Над чем ты с ней можешь работать?!

Взгляд Аннабет скользнул в сторону леса.

– Я передам Хирону, что ты приехал. – Ясно, переводит разговор на другое. – Он наверняка захочет поговорить с тобой перед слушанием дела.

– Какого дела?

Не ответив, она повернулась и побежала по дорожке к арене, на которой обычно проводились состязания мечников. Даже ни разу не оглянулась.

– Было чрезвычайно приятно с вами побеседовать, мисс, – проворчал я, глядя ей вслед.

Когда я шел через лагерь, мне повстречалось несколько старых приятелей, и я остановился поболтать с ними. На подъездной аллее перед Большим домом Коннор и Тревис Стоуллы из домика Гермеса возились с нашим лагерным внедорожником. Силена Боргард, староста домика Афродиты, помахала мне рукой, пролетая надо мной на пегасе. Я искал Гроувера, но нигде его не увидел. Наконец я добрался до поля для поединков. На этой арене, где тренировались мечники, я всегда как бы случайно оказывался, когда бывал не в духе, и, нужно признаться, упражнения с мечом меня здорово приводили в норму. Может потому, что мечевой бой – это единственное, в чем я хоть чуточку разбираюсь.

Я прошел на арену, и тут мое сердце едва не остановилось! В самом центре поля, развалившись, лежала спиной ко мне самая огромная адская гончая, которую мне когда-либо доводилось видеть.

Я хочу сказать, что мне приходилось встречать довольно-таки внушительного вида адских гончих. Например, одна из них, размером с упитанного бегемота, пыталась убить меня два с лишним года назад. Но та, на кого я наткнулся сейчас, была уж точно не меньше танка. Понятия не имею, как она смогла проскользнуть незамеченной через границы лагеря, но устроилась тварь на арене совсем по-домашнему – улеглась на живот и, удовлетворенно порыкивая, грызла оторванную голову бутафорского солдатика. Собаченция меня еще не заметила, но стоит мне пошевелиться, как она немедленно меня учует. Времени бежать за помощью не было, и я тихонько потянул из кармана авторучку и стал снимать колпачок, чтобы обнажить свой меч Анаклузмос.

– А-а-а! – заорал я изо всех сил и бросился в атаку.

Лезвие моего меча уже было в дюйме от огромной спины гончей, когда невесть откуда взявшийся чужой клинок парировал удар.

ДЗИНЬ!

Адская гончая наострила уши и рывкнула:

– ВУУФ!

Я отпрыгнул назад, еще не понимая, что происходит, сделал новый выпад и нанес

ответный удар. И увидел перед собой седого мужчину в доспехе греческого воина, который без проблем парировал мой натиск.

– Стоп! – спокойно сказал он. – Объявляется передышка.

– ВУУФ! – Лай адского создания сотряс всю арену.

– Но это же адская гончая! – закричал я.

– Она не опасна, – успокоил меня мой противник. – Ее зовут Миссис О’Лири.

Я непонимающе заморгал и переспросил:

– Миссис О’Лири?

Услышав свою кличку, чертова собака опять оглушительно рывкнула. И по ее лаю я сообразил, что эта гончая совсем не злая, а лает просто от возбуждения. Она подтолкнула мокрую, основательно прожеванную куклу-солдатика своему хозяину.

– Хорошая девочка, – сказал тот, свободной рукой схватил чучело за шею и зашвырнул на трибуны. – Схватить грека! Схватить грека!

Миссис О’Лири рванулась за добычей, прыгнула на нее и стала топтаться на несчастном манекене, кроша огромными лапами его доспехи. А потом вообще вцепилась зубами в шлем и принялась жевать.

Мечник сухо улыбался. На вид ему, судя по седоватым, коротко подстриженным волосам и бородке, можно было дать лет пятьдесят, и я должен сказать, что для такого старикана он неплохо сохранил спортивную форму. Он носил черного цвета альпинистские штаны и бронзовый нагрудник, из-под которого виднелась фирменная оранжевая футболка нашего лагеря. Неожиданно я заметил у него на груди, у основания шеи, странную, цвета крови, отметину, только я не понял: это родимое пятно или татуировка. Увидев, на что я смотрю, хозяин адской гончей поправил шнуры нагрудника, и пятно спряталось под воротником.

– Миссис О’Лири – моя домашняя собачка, – объяснил он, – и я убедительно прошу тебя больше не тыкать ей в спину мечом. Договорились? А то мы с ней обидимся.

– Кто вы?

– Обещаешь не убивать, если я спрячу меч?

– Обещаю.

Он вложил меч в ножны и протянул мне руку.

– Квинтус.

Его ладонь была шершавой, как наждачная бумага.

– Перси Джексон, – представился я. – Извините за нападение на вашу, э-э, собачку. А как вы вообще...

– Приручил исчадие ада? Длинная история, включающая ряд смертельных схваток и немало мелко прожеванных бутафорских солдатиков. Между прочим, я новый инструктор лагеря по мечевому бою. Помогаю Хирону, пока мистер Д. в отсутствии.

– А-а... – Я старался не смотреть в ту сторону, где Миссис О’Лири уже сорвала с груди воина щит вместе с державшей его рукой и теперь трясла его так, словно это была тарелка фризби. – Подождите, а что, мистера Д. нет в лагере?

– Ну да... Сложные времена, видишь ли. Даже Дионису приходится заниматься делами. Сейчас он отправился навестить кое-кого из старых друзей. Убедиться, что они заняли правильную позицию и готовы поддержать того, кого нужно. Большого я тебе сообщить не могу.

Если Дионис уехал, то это лучшая новость из всех, что я услышал за нынешний день. Он назначен директором нашего лагеря только потому, что Зевс прислал его сюда в наказание за

слишком горячие ухаживания за лесными нимфами. Мистер Д. нас прямо-таки ненавидит и изо всех сил старается как можно больше усложнить нашу жизнь в лагере. Так что если его нет, нынешнее лето может оказаться не слишком скучным. Хотя, с другой стороны, уж если Дионис оторвал задницу от стула и стал рекрутировать помощников богам в их битве с титанами, значит, дела и впрямь приняли плохой оборот.

Слева от меня послышалось громкое «бумс». Неподалеку на земле были сложены штабелем шесть деревянных ящиков, каждый размером со стол, сейчас вся эта гора зашаталась, и они рухнули на землю. Миссис О'Лири, воинственно пригнув голову, помчалась прямо на них.

– Тпру, малышка! – прикрикнул на нее Квинтус. – Это тебе не по зубам.

И он отвлек ее внимание, подбросив в воздух бронзовый щит на манер фризби.

Ящики подскакивали и катились по земле. На их сторонах были напечатаны какие-то слова, но с моей дислексией мне понадобилось немало времени, чтобы разобрать надпись:

РАНЧО «ТРИ – Г – ТРИ»

ОСТОРОЖНО, НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ!

На нижней стороне имелась надпись более мелкими буквами: «Открывать осторожно. Ранчо “ТРИ – Г – ТРИ” не несет ответственности за порчу имущества, нанесение ущерба или мучительно болезненную гибель».

– Что в этих коробках? – поинтересовался я.

– Маленький сюрприз, – последовал ответ. – Тренажеры для завтрашних занятий. Тебе понравится.

– Понятно, – кивнул я, хоть слова насчет «мучительно болезненной гибели» мне не особенно пришлись по душе.

Квинтус метнул щит подальше, и Миссис О'Лири потрусил за ним.

– Вам, молодым, нравится балансировать на краю пропасти. Теперь лагеря совсем не те, что были в моем детстве.

– Так вы... вы полукровка? – ошарашенно пробормотал я.

Я совсем не хотел показывать, насколько я потрясен, но мне никогда раньше не встречались взрослые полубоги.

Квинтус тихонько рассмеялся.

– Некоторым из нас и впрямь удастся дожить даже до таких лет, знаешь ли. Ведь не каждый полукровка получает зловещие предсказания.

– Вам известно о том, что мне предсказано?

– Да так, довелось услышать кое-что.

Мне хотелось спросить, что именно он слышал, но как раз в этот момент раздался возглас:

– Перси, вот ты где!

И на арене появился Хирон. Наверное, он прискакал с тренировочного стрельбища, поскольку за спиной у него болтались колчан и лук с натянутой тетивой, а нижняя часть его белоснежного конского тела была заляпана грязью и травой. Верхнюю, человеческую, часть

туловища прикрывала футболка с крупной надписью «Кентавр № 1», а каштановую гриву и бороду он коротко подстриг, как обычно делал летом.

– Вижу, ты уже встретился с нашим новым инструктором. – Тон Хирона был благожелательным, но глаза смотрели настороженно. – Квинтус, вы не возражаете, если я заберу у вас Перси?

– Ни в коем случае, мистер Хирон.

– Не обязательно звать меня «мистер», – сказал Хирон, но вид у него сразу стал довольный. – Пошли, Перси. Нам надо многое обсудить.

Я бросил прощальный взгляд на Миссис О’Лири, которая теперь жевала ноги бутафорского воина.

– Пока. Увидимся, – попрощался я с Квинтусом.

Когда мы отошли на некоторое расстояние, я зашептал Хирону:

– Мне этот Квинтус кажется... ну, как бы сказать, каким-то...

– Загадочным? – подсказал Хирон. – Сразу не разберешь, каков он?

– Ага.

Хирон кивнул.

– Очень опытный боец. К тому же полукровка. Превосходный мечник. Но я и сам хотел бы понять... – Тут кентавр замолчал. Что бы он ни хотел понять, сообщать об этом мне он явно раздумал. – Сначала о главном, Перси. Аннабет мне сказала о твоей встрече с эмпусами.

– Ой, да!

И я рассказал ему о битве, которая разгорелась в школе Гуди, и о том, как Келли вдруг неожиданно исчезла со взрывом и пламенем.

– Гмм, – произнес кентавр. – Не каждая эмпуса способна сотворить такое. Только самые могущественные из них. Она не погибла, Перси. Таким образом она от тебя сбежала. Плохо, однако, что в свите Гекаты начались волнения.

– А что они делали в школе? – спросил я. – Меня поджидали?

– Вполне возможно. – Хирон нахмурился. – Удивительно, что в этой ситуации тебе удалось устоять. Способность этих созданий завораживать... почти ни одному из героев не удавалось выстоять и не поддаться их чарам. И все они были пожраны эмпусами.

– Меня бы тоже сожрали, – признался я, – если б не одна девочка. Ее зовут Рейчел.

Хирон кивнул.

– Да, по иронии судьбы тебе помогла обычная смертная, но мы, конечно, вернем ей долг. О том же, что эмпуса рассказала тебе о нападении на лагерь, мы еще поговорим позднее. Сейчас не до того, надо торопиться в лес. Там тебя ждет Гроувер.

– Где?

– В лесу идет слушание его дела, – мрачно объяснил Хирон. – Совет копытных старейшин собрался на заседание, чтобы решить его судьбу.

Хирон сказал, что надо торопиться, поэтому я забрался к нему на спину, и мы поскакали к лесу. Когда он галопом мчался мимо домиков, в которых мы все жили, я успел бросить взгляд на павильон для трапезы – открытое здание в греческом стиле, расположенное на вершине холма и обращенное к морю. Я увидел его в первый раз с прошлого лета, и на меня сразу нахлынули плохие воспоминания.

Тем временем Хирон углубился в лес. Лесные нимфы выглядывали из-за деревьев,

подсматривая за нами. Призрачные тени каких-то огромных существ шуршали в чаще – прятаясь здесь чудовища служили постоянной угрозой обитателям лагеря.

Я думал, что за последние два лета изучил лес досконально, мы не один раз играли здесь в захват флага, но Хирон скакал такими тропами, которых я ни разу не видел. Дорожка вилась меж старых ив, чьи кроны полностью смыкались над нею, образуя свод, потом мы миновали небольшой водопад и оказались на поляне, заросшей целым морем лесных цветов.

Там на траве кружком расположилась группа сатиров. В середине поляны стоял Гроувер. А лицом к нему на тронах, которые представляли собой по-особому подстриженные кусты роз, восседали три старых толстых сатира. Этих стариков я еще никогда не видел в лагере и решил, что они, наверное, и есть Совет копытных старейшин.

Мне показалось, что как раз перед нашим появлением Гроувер о чем-то докладывал Совету, потому что сейчас его пальцы нервно накручивали край футболки, а сам он то и дело беспокойно переступал своими козлиными копытами. Он, в общем-то, мало изменился с прошлой зимы, видимо, потому, что сатиры растут вдвое медленнее людей. Его прыщеватое лицо разгорелось от волнения, рожки немного подросли и теперь смешно выглядывали из спутанной шевелюры. С некоторым испугом я понял, что стал выше его ростом.

На поляне также сидели Аннабет, Кларисса и еще одна девочка, которую я раньше не видел. Они втроем сгрудились немного поодаль от сатиров. Хирон ссадил меня на землю, и я очутился прямо рядом с ними.

Волосы Клариссы были стянуты банданой под цвет ее камуфляжного костюма, и она очень походила на мальчишку. К чему, впрочем, всегда и стремилась. Сейчас она бросила на меня короткий взгляд и пробормотала «привет, салага», что, в общем, должно было означать, что настроение у нее превосходное. Гораздо чаще Кларисса говорила «привет» и тут же пыталась меня прикончить.

Аннабет обвила рукой талию незнакомой девочки, которая выглядела так, будто только что плакала. Маленького роста, изящная – как ее, наверное, назвали бы взрослые, – с пышными волосами янтарного цвета и хорошеньким, немного эльфийским личиком. На ней были зеленый хитон и шнурованные высокие сандалии, а у глаз она держала платок.

– Все это кончится ужасно, – захныкала девочка.

– Что ты, что ты. – Аннабет погладила ее по плечу. – Все будет хорошо, Можжевелочка.

Аннабет взглянула на меня и одними губами произнесла: «Подружка Гроувера».

По крайней мере, я подумал, что именно это она и прошептала, хоть смысла в подобных словах не было ни малейшего. Чтобы у Гроувера была подружка?! Но когда я посмотрел на Можжевелку пристальней, то заметил, что уши у нее чуть заострены кверху, а глаза, если не считать того, что они покраснели от слез, были зелеными-презелеными, цвета хлорофилла. А-а, понятно. Передо мной была дриада – лесная нимфа.

– Мистер Ундервуд, – с важностью заговорил один из членов Совета, перебивая собиравшегося что-то сказать Гроувера, – и вы всерьез полагаете, что мы способны в это поверить?

– Но, господин Силен, – пробормотал тот, – ведь я говорю чистую правду.

Член Совета Силен обернулся к коллегам и с горячностью стал им что-то говорить. Хирон прошел вперед и встал рядом с ними, внимательно прислушиваясь к беседе. Я знал, конечно, что он почетный член Совета, но не считал это особенно важным. Старейшины не показались мне такими уж выдающимися личностями, скорее они напоминали козлов в зоопарке – жирное брюхо, тусклые глаза, которые не видят ничего, кроме кормушки, и вечное

сонливое выражение на морде. Так что я не совсем понимал, чего, собственно, Гроувер так беспокоится.

Силен одернул на огромном брюхе желтого цвета рубашку поло и поудобнее устроился на троне.

– Мистер Ундервуд, уже в течение полугода – целых шесть месяцев! – членам нашего Совета приходится выслушивать ваши провокационные заявления о том, что с вами говорил сам бог дикой природы Пан.

– Но я вправду слышал его голос!

– Какая дерзость! – проскрипел тот, что сидел слева от Силенна.

– Потише, Марон, – оборвал его кентавр. – Имейте терпение.

– Вот еще, терпение! – продолжал ворчать Марон. – Я по самые рога сыт этой чепухой.

Станет бог природы говорить с этим...

Можжевелька, казалось, хотела броситься на старого сатира и поколотить его, но Аннабет и Кларисса удержали ее.

– Не время, подружка, – прошептала Кларисса. – Погоди чуток.

Не знаю, что удивило меня больше – Кларисса, удерживающая кого-то от драки, или то, что она и Аннабет, отчаянно презиравшие друг друга, вместе затеяли какое-то дело.

– Итак, в течение шести месяцев мы были снисходительны к вам, мистер Ундервуд. Позволили вам совершать различные путешествия. Не отзывали вашей лицензии на проведение поиска. Мы доверяли вам, ожидая, что вы сумеете предъявить доказательства своего нелепейшего утверждения. И что вы нам теперь, спустя все это время, преподнесли?

– Мне нужно еще немного времени, – попросил Гроувер.

– Ничего он не нашел! – взвизгнул тот, который сидел посередине. – Ничего!

– Но, Леней...

Силен поднял руку, призывая к молчанию, но тут Хирон наклонился и сказал что-то сатирам. Те сразу скисли. Они принялись что-то бормотать и спорить между собой, но Хирон сказал еще что-то, и Силен неохотно кивнул. Потом со вздохом объявил:

– Итак, мистер Ундервуд, мы согласны дать вам еще один шанс.

– Благодарю! – Физиономия Гроувера сразу просветлела.

– Мы даем вам одну неделю.

– Как одну?! Но, сэр, это невозможно!

– Одна неделя, мистер Ундервуд. После истечения этого срока, если вы не сумеете подтвердить сделанные вами заявления, ваша лицензия на поиск будет отозвана и вам придется поискать себе другое занятие. Возможно, такое, в котором вы могли бы лучше проявить свои актерские способности. К примеру, кукольный театр. Или степ.

– Но, сэр, я... Что со мною станет, если я лишусь лицензии на поиск? Вся моя жизнь...

– Заседание Совета откладывается, – объявил Силен. – Все приглашаются на обед. Приятного аппетита!

Старый сатир хлопнул в ладоши, и из-за деревьев выступила группа нимф с блюдами овощей, фруктов, консервированных продуктов и прочих козлиных деликатесов. Кружок сатириков дрогнул, распался, и они накинулись на еду. Гроувер понуро направился в нашу сторону. Его вылинявшая голубая футболка была украшена портретом какого-то сатира с надписью: «Получил, козел?»

– Привет, Перси! – Он был так подавлен, что даже не протянул руку, чтобы поздороваться. – Все нормально?

– Старые козлы! – воскликнула Можжевелка. – Ох, Гроувер, они и понятия не имеют, как ты старался!

– Существует еще один вариант, – туманно высказалась Кларисса.

– Нет же, нет! – Лесная нимфа в испуге затрясла головой. – Гроувер, я не отпущу тебя.

Лицо моего друга сильно побледнело.

– Я... я хотел бы еще подумать об этом. Мы ведь даже не знаем, где искать.

– О чем вы говорите? – вмешался я.

Где-то далеко раздался звук рога. Аннабет нахмурилась и сказала:

– Позже я тебе все объясню, Перси, а сейчас нам нужно торопиться. Начинается осмотр домиков.

Правда, ужасно несправедливо, что проверка нагрязнула в момент, когда я только что прибыл в лагерь? Но со мной вечно так. Каждый вечер один из старост обходит все наши домики, проверяя чистоту, и делает отметки на особом листе папируса. Тем, кто займет лучшие места, гарантирована первая очередь в душе, а значит, вволю горячей воды. Обитателям домика, который очутился на последнем месте, достается уборка на кухне после обеда.

Для меня лично проблема заключается в следующем: я, как правило, единственный обитатель домика Посейдона. И к тому же, как известно, Перси Джексон не принадлежит к числу тех, кого обычно называют чистоплотными и опрятными мальчиками. А так как гарпии-чистильщицы обычно появляются в лагере всего один раз – в последний день лета, то вполне возможно, что мой домик сейчас пребывает в том же состоянии, в каком я оставил его зимой. Фантики от конфет и пакеты от чипсов валяются на кровати, доспехи, которые были на мне во время соревнования за захват флага, разбросаны по всей комнате... ну и так далее.

Поэтому я рысью припустил в жилую зону, где двенадцать домиков – по одному на семью каждого бога-олимпийца – выстроились на зеленом лугу в виде английской буквы U. На бегу я успел заметить, что дети Деметры старательно подметают свой домик и спешно выращивают свежие цветы на подоконниках. Конечно, стоит им только пальцами щелкнуть, как жимолость уже вьется по притолоке, а маргаритки густым ковром покрывают крышу, – и вы называете это справедливостью? Не думаю, что им хоть раз досталось последнее место при таких осмотрах. А ребята из домика Гермеса бегают в панике, рассовывая грязное белье под кровати и обвиняя друг дружку во всех грехах. Они, конечно, известные лодыри, но уж точно раз в сто аккуратнее меня.

Увидев, что Силена Боргард как раз выходит из домика Афродиты, на ходу делая отметки на своем папирусе, я тихонько чертыхнулся про себя. Силена – отличная девчонка, но ужасная чистюля и инспектор из нее – зверь. Она просто обожает, чтобы все было «по струночке», а я терпеть этого не могу. В общем, мои руки уже чувствовали тяжесть кухонных блюд с обьедками, которые мне сегодня предстоит выскрести.

Домик Посейдона стоял последним в ряду «мужских» домов, выстроившихся по правую руку вдоль луга. Сооруженный из серого морского ракушечника, он был длинный и низкий, как барак, но зато наши окна смотрели в море и по комнате всегда гулял свежий морской ветер.

Я ворвался внутрь, надеясь еще успеть с подкроватным маневром по примеру ребят Гермеса, но тут же застыл на месте от удивления. В шатре орудовал метлой мой сводный

брат Тайсон!

– Перси! – завопил он, уронил метлу на пол и кинулся ко мне.

Если вам не доводилось видеть деловито суетящегося по хозяйству циклопа в цветастом фартучке с нагрудником и резиновых хозяйственных перчатках, то поверьте мне, это зрелище может и мертвого поднять на ноги.

– Привет, верзила! – обрадовался я и тут же поморщился. – Эй, поосторожней с ребрами! Ой-ой.

Его медвежье объятие мне удалось выдержать. Сияя от счастья, Тайсон поставил меня обратно на пол, его коричневый глаз горел радостным волнением. Мой брат выглядел как обычно: кривые зубы покрывал желтый налет, прическа сильно смахивала на воронье гнездо, из-под фартучка выглядывала дырявая фланелевая рубаша и джинсы самого великанского размера, но для меня видеть его было настоящим утешением. Мы с ним расстались почти год назад, когда он отправился на дно морское, чтобы работать в кузницах циклопов.

– Как поживаешь? – спросил Тайсон. – Чудовища еще не сожрали?

– Даже ноготочка не откусили.

И я продемонстрировал ему свои руки и ноги в целостности и сохранности. Тайсон счастливо заржал.

– Ура! Теперь можно навалиться на бутерброды с арахисовым маслом и раскатывать на морских конях! Мы с тобой зададим жару чудовищам и увидим Аннабет. И вообще устроим хорошенький бу-умс!

Понадеявшись, что он не собирается заняться всем этим прямо сейчас, я ответил, что мы обязательно здорово повеселимся нынче летом. На Тайсона невозможно было смотреть без улыбки, столько энтузиазма он излучал.

– Но сначала нужно как следует подготовиться к осмотру. Мы должны...

Тут я огляделся и понял, чем Тайсон был занят до моего прихода. Пол начисто выметен. Койки застелены в лучшем виде. В фонтанчике с морской водой сверкали надраенные кораллы. На подоконниках цвели в вазах морские анемоны и еще какие-то неизвестные фосфоресцирующие растения, которые Тайсон наверняка натаскал со дна моря. Они были в сто раз красивее всех букетов, что вырастили дети Деметры.

– Тайсон, да лучше нашего домика ни у кого нет!

Он просиял.

– А это ты видел? Я развесил под потолком морских коньков.

Целый табунок миниатюрных бронзовых гиппокампов был подвешен на проволоке под потолком, и со стороны казалось, будто они плывут по воздуху. Мне даже не верилось, что Тайсон, с его огромными лапами циклопа, умеет делать такие деликатные вещи. Потом я перевел взгляд на свою койку и обнаружил, что на стенке над ней висит мой старый щит.

– Ты его починил!

Щит, жестоко пострадавший в схватке с мантикорой, сейчас сиял как новенький, на нем не было ни единой царапины! И так же сверкали отполированные бронзовые таблички с изображениями наших с Тайсоном и Аннабет приключений в Море чудовищ.

Я молча выпучил глаза на Тайсона, не зная, как его благодарить, как вдруг чей-то голос позади меня удивленно произнес:

– Вот это да!

В дверях стояла Силена Боргард со своим папирусным свитком. Она сделала шаг внутрь нашего домика, повернулась, оглядываясь по сторонам, и устала на меня.

– Скажу прямо, у меня были некоторые сомнения. Но здесь абсолютная чистота, Перси. Я это запомню.

Она подмигнула мне и вышла.

Оставшуюся часть дня мы с Тайсоном провели, слоняясь тут и там, что составляло приятный контраст с утром, проведенным в школе Гуди, учитывая смертельную схватку с эмпусами.

Сначала мы отправились в кузницу, где немного помогли Бекендорфу из домика Гефеста в его трудах. Тайсон расхвастался и показал нам, каких успехов достиг в ковке и выделке магического оружия. Он сумел с такой сноровкой и ловкостью закалить в пламени обоюдоострый боевой топор, что даже на Бекендорфа произвел неизгладимое впечатление.

Между делом Тайсон рассказывал, как он работал на морском дне. Его глаз пылал от восторга, как фонарь при описании кузницы циклопов и дворца Посейдона. Но он сообщил и о том, что в подводных глубинах не все идет гладко. Старые морские божества, те, которые правили миром во времена титанов, затеяли распрю с нашим отцом Посейдоном. Когда Тайсон уезжал, сражения уже бушевали по всей Атлантике. Новости оказались плохими, я сразу забеспокоился и стал думать, что, может, мне следует отправиться туда на помощь, но Тайсон сообщил: отец велел нам обоим оставаться в лагере.

– Плохие создания водятся не только на дне морском, – объявил мой мудрый братец. – И мы должны устроить им хорошенький буумс.

Покинув кузницу, мы отправились на озеро. Там к нам присоединилась Аннабет, и мы долго сидели на берегу. Увидев Тайсона, она ужасно обрадовалась, но я все равно заметил, что Аннабет чем-то сильно озабочена. То и дело ее взгляд устремлялся в сторону леса, словно мысленно она все еще беспокоилась по поводу Гроувера. Я не мог винить ее в этом, к тому же меня и самого мучило то, что моего друга нигде не видно.

Отыскать давно исчезнувшего из мира бога Пана было для Гроувера самым важным делом в жизни. Когда-то, преследуя ту же самую цель, погибли его отец и дядя. Однажды, это случилось прошлой зимой, Гроувер услышал, как чей-то голос сказал ему: «Я тебя жду», и он был уверен, что голос этот принадлежал богу Пану. Но несмотря на тщательные поиски, он ничего не добился. И если через неделю Совет отберет у него разрешение на поиск, это выбьет почву из-под ног моего друга-сатира.

– Что это за «еще один вариант», о котором говорила Кларисса? – поинтересовался я у Аннабет.

Она помолчала, подобрала с земли камешек, зашвырнула его в озеро и только потом заговорила:

– Кларисса кое-что придумала. Весной я ей немного помогала с этим делом... Но оно может оказаться опасным. Особенно для Гроувера.

– Этот козел меня вообще пугает, – пробормотал Тайсон.

Я глянул на него. Моему брату случалось встречаться с огнедышащими быками, морскими чудовищами и гигантами-каннибалами, и он с честью выходил из положения.

– Чем это? – спросил я.

– Рогами и копытами, – нервно ответил тот. – А от козлиной шерсти у меня всегда в носу чешется. И чихать охота.

Это замечание положило конец нашей беседе о Гроувере.

Перед обедом мы с Тайсоном отправились на арену для поединков. Квинтус обрадовался нашему появлению. Он так и не объяснил мне, что было в деревянных ящиках, но зато показал несколько новых боевых приемов с холодным оружием. Отличный парень, решил я. Его манера биться на мечах напоминала мне шахматную партию – он обрушивает на противника лавину непрерывных ударов, и тот не видит в них никакой системы, пока Квинтус не сделает последнего выпада, при котором его меч вдруг оказывается у горла врага.

– Славно орудуешь мечом, – похвалил он меня. – Но защита замедленная.

Он нанес удар, и я его блокировал.

– А вы всегда были мечником? – спросил я.

Квинтус парировал мой режущий сверху и ответил:

– Кем я только не был в своей жизни.

Он сделал выпад, но я уклонился. Тут наплечник Квинтуса лопнул, и я опять увидел отметину у основания его шеи – пурпурное пятно. Но теперь я заметил, что это не пятно, а скорее рисунок, и он имеет вполне определенные очертания – птица со сломанными крыльями, похожая на перепела или кого-то в этом роде.

– Что это у вас на шее? – спросил я, понимая, что такой вопрос может показаться грубым, но это можно свалить на мою гиперактивность. У меня просто страсть прояснять все непонятное.

Квинтус сбился с ритма. Я нанес удар по эфесу, и его меч отлетел в сторону.

Он потерял пальцы и стал поправлять доспехи, чтобы скрыть пятно. Это не татуировка, сообразил я. Похоже скорее на давнишний ожог. А еще больше на клеймо.

– Так, памятка. – Квинтус подобрал меч и принужденно улыбнулся. – Что, продолжим?

Тут он сильно насел на меня, и вопросы мои быстро иссякли.

Пока мы бились, Тайсон возился с Миссис О’Лири, которую ласково звал «собачка». Они великолепно провели время, борясь за бронзовый щит и играя в «Убей грека». К заходу солнца, когда мы закончили, Квинтус, как ни странно, даже не вспотел, в то время как мы с Тайсоном, запыхавшиеся и потные, побежали домой мыться под душем и переодеваться к ужину.

«До чего здорово! – думал я. – Обычный день в лагере!»

Настало время ужинать, мы все построились у своих домиков и строем же отправились в павильон для трапезы. Большинство ребят не обращали никакого внимания на трещину в мраморном полу у входа, но я-то отлично помнил, что еще в прошлом году этого десятифутовой длины разлома здесь не было! Я постарался перешагнуть через трещину как можно осторожнее, хотя ее аккуратно заделали каким-то материалом.

– Здоровая трещина, – пробурчал Тайсон, когда мы рассаживались за столом. – Может, землетрясение было?

– Нет, никакое это не землетрясение.

Я не собирался ему ничего рассказывать. Это была тайна, которую знали только мы с Аннабет и Гроувером. Но, встретившись с вопрошающим взглядом огромного Тайсонова глаза, я понял, что не смогу ничего скрыть от него.

– Нико ди Анджело, – тихо прошептал я. – Полукровка, мы привели его к нам в лагерь прошлой зимой. Он... это, ну, попросил меня позаботиться о его сестренке, а я сплеховал. Она умерла, и теперь он винит в этом меня.

– И поэтому разломал наш пол? – Тайсон нахмурился.

– Это на нас скелеты напали, – принялся объяснять я. – Нико велел им убираться, и

земля разверзлась и их поглотила. Нико – сын... – Я оглянулся, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. – Нико, он сын Аида.

– Повелителя Царства мертвых, – задумчиво кивнул Тайсон.

– Ну да.

– Поэтому он исчез из лагеря?

– Думаю, да. Весной я пытался разыскать его. И Аннабет тоже пробовала. Но у нас ничего не вышло. Только имей в виду, это тайна, Тайсон. Не проболтаешься? Если кому-то станет известно, что Нико – сын Аида, ему грозит серьезная опасность. Даже Хирону нельзя ничего рассказывать.

– Плохое предчувствие, – вдруг произнес мой братец. – Титаны могут использовать твоего приятеля в своих целях, если узнают о том, чей он сын.

Я потрясенно на него уставился.

Иногда, из-за того что он такой огромный, а ведет себя совсем как ребенок, я забывал о том, какой Тайсон умный. Сейчас он напомнил мне о пророчестве, согласно которому отпрыску одного из трех главных богов – Зевса, Посейдона или Аида – предстоит спасти или разрушить Олимп, но при условии, что ему удастся дожить до шестнадцати лет. Большинство, по-моему, считает, что речь идет обо мне, но если я погибну раньше, то следующей кандидатурой окажется Нико.

– Точно, – выдохнул я, – а значит...

– Рот на замке, – пообещал Тайсон. – А замок запечатан, как та трещина на входе в столовую.

В ту ночь я долго не мог заснуть. Я лежал в постели, прислушиваясь к шороху волн на берегу и завываниям сов и чудовищ в лесах. Я боялся, что, заснув, снова увижу кошмарные сны.

Понимаете, сновидения для полукровок – это не просто сны. Именно в сновидениях нам иногда являются послания. Из них мы можем узнать о том, что происходит с нашими друзьями или врагами. Иногда мы видим события из собственного прошлого или будущего. А здесь, в лагере, мои сны становились еще более яркими и реалистическими, и видел я их почти каждую ночь.

Так я пролежал чуть ли не до полуночи, а сна не было ни в одном глазу. Хоть мой взгляд почти не отрывался от верхней койки над головой, в какой-то момент я вдруг почувствовал, что в комнате стало светлее, повернул голову и увидел слабое сияние, струившееся от фонтанчика с морской водой.

Я сбросил одеяло и побрел к нему. От горячей соленой воды поднимался пар, и в нем дрожала радуга, хотя в комнате не было никакого света, только луна сияла за окном. Неожиданно прямо из радуги послышался приятный женский голос, который произнес: «Пожалуйста, уплатите одну драхму».

Я оглянулся на Тайсона, но он по-прежнему храпел. Мой брат вообще спит так крепко, как загипнотизированный слон.

Я не знал, что и думать. Никогда прежде я не получал посланий Ириды. На дне фонтанчика что-то блеснуло, это была золотая монетка в одну драхму. Я выловил ее и сунул в облачко пара. Монета исчезла.

– О Ирида, богиня радуги, – зашептал я, – покажи мне... э-э, ну, в общем, то, что ты хотела мне показать.

Облачко пара замерцало сильнее. Теперь в нем можно было кое-что различить. Я увидел темный берег реки, сложенный из острых вулканических камней. Над ее черной водой плыли клочья тумана. Какой-то мальчишка сидел на берегу и поддерживал пламя в костре, языки которого имели странный синий цвет. Когда я всмотрелся в лицо мальчишки, то узнал Нико ди Анджело. Он занимался тем, что бросал в огонь обрывки бумаги. Я увидел, что это были карточки из «Мифов и магии», этой игрой он увлекался прошлой зимой.

Нико исполнилось лет десять или одиннадцать, но выглядел он сейчас гораздо старше. Волосы у него сильно отросли, лохматые, спутанные, они почти доставали до плеч. Глаза казались черными-пречерными, смуглая кожа побледнела. Одет он был в рваные черные джинсы и поношенную летнюю куртку размеров на пять больше, чем нужно. Под ее расстегнутой молнией виднелась черная рубашка. Лицо Нико было угрюмым, глаза смотрели с каким-то диким выражением. И вид такой неприкаянный, будто он уже год ночевал на улицах.

Я молча ждал, чтобы он меня заметил. Когда прошлой зимой Нико говорил, что считает меня виновным в смерти своей сестры, я знал, как сильно он на меня злился. Но сейчас по всему видно, что ему и дела до меня нет.

Я стоял тихо-тихо, не осмеливаясь даже пошевелиться. Если это не Нико отправил мне послание Ириды, то кто же?

Еще одна карта полетела в огонь.

– Бессмыслица, – пробормотал он. – Даже не верится, что когда-то мне так нравилось играть ими.

– Вы правы, занятие для малышей, господин, – согласно зажурчал чей-то голос.

Говоривший, кажется, находился рядом с костром, но мне его не было видно.

Нико поднял голову и бросил взгляд на противоположный берег, от самой линии речного прибоя всю местность там плотно затянула черная мгла. Вдруг я узнал это место – за рекой находилось Царство мертвых. Нико развел костер на берегу Стикса.

– Ничего у меня не получается, – опять сказал Нико. – Нет способа вернуть ее обратно.

Его собеседник хранил молчание.

Нико перевел взгляд на огонь и требовательно спросил:

– Ты здесь? Говори.

В костре что-то вспыхнуло. Сначала мне показалось, это просто искра сверкнула, но когда я пригляделся, то разобрал в клубах синего дыма очертания человеческой фигуры. Вернее, тень очертаний. Если смотреть прямо на нее, то никакого человека там не было, а если уголком глаза, как бы искоса, то можно разобрать его контуры. Призрак!

– То, чего вы пытаетесь добиться, никому и никогда не удавалось, – произнес он. – Но это не значит, что подобное невозможно.

– Научи меня! – потребовал Нико. Его глаза яростно сверкнули.

– А что я получу взамен? – глухо спросил призрак. – Душу за душу.

– Согласен!

– Речь идет не о вас. Вы не можете отдать свою душу собственному отцу, он ею и так владеет. Да он и не стремится получить душу своего сына. Я говорил о душе, которой давно пора упокоиться. О той, что однажды обманула саму смерть.

– Не надо снова об этом. – Лицо Нико потемнело. – Ты хочешь заставить меня совершить убийство.

– Я хочу справедливости, – сказал призрак. – Отмщения.

– Это не одно и то же.

Призрак холодно усмехнулся.

– Когда вы станете старше, то поймете, что ошибались.

– Почему я не могу просто вызвать сестру? – Нико не сводил взгляда с пламени. – Мне надо поговорить с ней. Она... она может помочь мне.

– Я помогу вам, – возразил призрак. – Разве я не спасал вас уже много раз? Разве я не провел вас через лабиринт и не научил пользоваться своими силами? Так хотите вы отомстить за смерть своей сестры или не хотите?

Мне совсем не понравилось, как призрак разговаривал с Нико. Его речь здорово напоминала мне одного парня из моей прежней школы, отморозка, который вечно подбивал ребят на разные проделки – испортить оборудование в лаборатории, поцарапать машину кого-нибудь из учителей. Сам-то он, конечно, не попадал ни в какие неприятности, зато они тоннами сваливались на других.

Нико отвернулся от огня так, чтобы призрак не видел, как у него по щеке поползла слеза. Но мне-то это было отлично видно.

– Считай, что договорились. У тебя есть план?

– О, разумеется. – Голос призрака сразу сделался очень довольным. – Перед нами множество самых темных троп. Начать можно с...

И тут видение перед моими глазами стало таять. Нико исчез. Женский голос из облака пара произнес: «Пожалуйста, уплатите еще одну драхму за следующие пять минут».

В фонтане не было больше ни одной монетки. Я хотел пошарить в карманах, но вспомнил, что на мне только пижама, кинулся к ночному столику, чтобы поискать забытую мелочь, но в это время фонтан погас и комната погрузилась во тьму. Связь прервалась.

Я стоял в темноте и слышал только журчание соленой воды в фонтане и плеск океанских волн за стеной.

Значит, Нико жив. Он пытается вернуть обратно из Царства мертвых свою сестру. Я почти не сомневался в том, что знаю, чья душа пойдет в обмен на душу Бьянки. И кто именно обманул однажды смерть. И за что требуется отомстить.

Нико ди Анджело собирается прийти за мной.

Глава третья

Мы играем в салочки со скорпионами

Следующее утро принесло нам множество хлопот.

Примерно часа в три ночи на границе лагеря было замечено присутствие эфиопского дракона. Я так устал, что, несмотря на поднятую суматоху, проспал все самое интересное. Границы, охраняемые с помощью магии, не позволили чудовищу прорваться, но зато оно обшарило все холмы, отыскивая слабые звенья в нашей обороне, и вовсе не намеревалось убираться, пока Ли Флетчер из домика Аполлона вместе со своими сородичами не пустился за ним в погоню. После того как не менее дюжины стрел в свою очередь отыскивали слабые звенья в его шкуре, дракон понял намек и удалился.

– Но он слоняется где-то здесь, – предупредил Ли, когда докладывал о появлении чудовища в трапезной, перед началом завтрака. – В его шкуре – не меньше двух десятков стрел, и он наверняка сходит с ума от бешенства. Эта тварь длиной футов тридцать от хвоста до загривка, ярко-зеленой раскраски, а глаза... – Ли содрогнулся и покачал головой.

– Молодец, Ли, ты правильно действовал. – Хирон одобрительно потрепал его по плечу. – Всем сохранять боевую готовность, но вылазок не совершать. Такое уже случалось прежде.

– Прежде бывало, – слышался голос Квинтуса, сидевшего за главным столом, – и впредь будет. Все чаще и чаще.

Ребята взволнованно перешептывались между собой.

В лагере всем было известно: Лука и его армия готовят вторжение в наш лагерь. Большинство ребят не сомневались, что оно непременно произойдет нынешним летом, но никто не знал, как и когда именно. В этом году нас в лагере стало меньше, чем прежде, но это не имело значения. В лагере собралось всего восемь десятков полукровок, хотя три года назад, когда я приехал сюда в первый раз, было больше сотни. Кто-то умер. Кто-то сбежал и присоединился к Луке. Кто-то просто исчез.

– Зато теперь есть отличная причина опробовать пару новых военных игр, – продолжил Квинтус, глаза его оживленно вспыхнули. – Увидим, как вы покажете себя сегодня вечером.

– Да, – согласился Хирон. – Ладно, достаточно разговоров. Давайте благословим пищу и примемся за еду. – С этими словами он поднял кубок. – За богов!

Все подняли свои кубки и повторили тост.

Мы с Тайсоном взяли тарелки с едой и направились к бронзовой жаровне, где бросили по щепотке пищи в огонь. Я надеялся, что богам не противно вкушать запах тостов с изюмом и хлопьев.

– Посейдон, – сказал я, помолчал и продолжал уже потише: – Помоги мне, пожалуйста, с Нико и Лукой, и еще с Гроувером...

У меня было несчетное количество проблем, но так как я не мог стоять над жаровней целое утро, то быстренько закруглился и вернулся обратно к столу.

Пока все ели, к нашему столику подошли Хирон и Гроувер. Глаза моего друга сатира смотрели с каким-то отсутствующим выражением, рубашка была надета наизнанку. Он небрежно поставил свою тарелку на стол, а сам рухнул на соседний стул.

Тайсон поежился и стал выбираться из-за стола.

– Я... э-э, гм... пойду, пожалуй. Пора чистить моих бронзовых морских коньков.

Он вышел из павильона, оставив завтрак недоеденным.

Хирон выдавил из себя что-то похожее на улыбку. Может, он хотел таким образом ободрить нас, но лично я не чувствую себя уютно, когда надо мной нависает огромное тело кентавра.

– Доброе утро, Перси. Как спалось?

– Хм, отлично.

Интересно, с чего это он интересуется, как я спал. Неужели ему что-то стало известно о том странном послании Ириды, которое я получил ночью?

– Я привел Гроувера, – продолжал Хирон, – потому что решил, что вам полезно... э-э, обсудить положение. А теперь, прошу меня простить, мне необходимо отправить несколько посланий с помощью Ириды. Увидимся позже.

Он бросил на Гроувера многозначительный взгляд и потопал к выходу из павильона.

– О чем это он говорил? – спросил я у Гроувера.

Гроувер продолжал рассеянно жевать. Я сразу заметил, что он слегка не в себе, потому что, покончив с яйцом, он принялся так же методично пережевывать зубцы вилки.

– Он хочет, чтобы ты убедил меня кое на что решиться, – нехотя пробормотал сатир.

Кто-то присел за наш столик с другой стороны. Аннабет!

– Я расскажу тебе, в чем дело, – сказала она. – Речь идет о лабиринте.

Сосредоточиться на том, что она говорила, было нелегко, ибо все собравшиеся исподтишка наблюдали за нами. Со всех сторон слышались перешептывания. Аннабет, ни на кого не обращая внимания, уселась прямо рядом со мной. То есть, я хочу сказать, справа от меня, но совсем рядом.

– Тебе не разрешается тут сидеть, – сказал я ей.

– Но мне необходимо тебе все объяснить, – возразила она упрямо.

– По правилам...

Аннабет не хуже меня знала, что нам не полагается пересаживаться за чужие столы во время трапез. Сатиры – другое дело, но они ведь не дети богов. А нам, полукровкам, следует всегда вкушать пищу среди своих соплеменников. Правда, я понятия не имел, полагается ли за нарушение этого правила какое-либо наказание. Ни разу не видел, чтобы кто-то из ребят менялся местами. Если б тут оказался мистер Д., он бы, наверное, моментально придушил Аннабет, оплетя ее виноградной лозой. Но мистера Д. не было, Хирон уже вышел, Квинтус же оглянулся на нас, наградил пристальным взглядом, приподняв брови, но промолчал.

– Послушай, – продолжала Аннабет, – Гроувер в ужасном положении. И у нас есть только один способ помочь ему. Лабиринт. Гроуверу следует перенести поиск в лабиринт. Именно эту возможность мы с Клариссой и изучали.

Я заерзал на стуле, стараясь не отвлекаться.

– Ты о том лабиринте, в котором в давние времена жил Минотавр?

– Именно.

– Но... но он уже не находится на острове Крит под царским дворцом, – предположил я. – Теперь лабиринт расположен под каким-то зданием в Соединенных Штатах Америки.

Оценили? Мне понадобилось несколько лет, чтобы научиться вычислять такие штуки. Я выяснил, что самые важные на земле места не стоят на месте, а дрейфуют в определенном порядке по западному миру. Так, гора Олимп теперь располагается над Эмпайр-стейт-билдинг, а вход в Царство мертвых находится непосредственно в Лос-Анджелесе. Совершив

такое открытие, я, помнится, преисполнился гордости за себя.

Аннабет выразительно закатила глаза и фыркнула.

– Под каким-то зданием? Перси, пожалуйста, не смеши меня. Лабиринт просто огромен. И он не уместится даже под одним городом, не то что под зданием!

Я припомнил свое ночное видение: Нико, сидящий на берегу Стикса.

– Выходит, лабиринт – это часть Царства мертвых?

– Вовсе нет. – Аннабет нахмурилась. – Но в лабиринте могут найтись переходы, ведущие туда. Хотя я в этом не совсем уверена, ведь Царство мертвых расположено очень глубоко, а лабиринт находится сразу под поверхностью земли, на которой живут смертные, совсем близко. Лабиринт растет уже тысячи лет, прокладывает свои рукава под городами Западного полушария, разветвляет туннели и переходы и потом соединяет их в одно целое. Воспользовавшись лабиринтом, ты можешь оказаться где угодно.

– Если не заблудишься, – мрачно вставил Гроувер. – А то погибнешь страшной смертью.

– Гроувер, какой-то путь должен быть. – По голосу Аннабет я догадался, что они не в первый раз беседуют на эту тему. – Кларисса же жива.

– Ну и что? А тот, другой парень...

– У него поехала крыша. Но он не умер.

– Велика радость. – Нижняя губа Гроувера задрожала. – Ты меня очень утешила.

– Стойте, – вмешался я. – Давайте все сначала. Про Клариссу и про свихнувшегося парня.

Аннабет глянула в ту сторону, где сидела за своим столом семья Ареса. Кларисса смотрела на нас так, словно прекрасно знала, что тут обсуждается, но, встретив взгляд Аннабет, сразу отвела глаза и уткнулась в тарелку перед собой.

– Это было еще в прошлом году, – стала рассказывать Аннабет, понизив голос, – когда она выполняла задание Хирона.

– Помню, – кивнул я. – Страшная тайна.

Аннабет молча кивнула. Несмотря на то что она говорила об очень серьезных вещах, я чувствовал себя ужасно довольным. Во-первых, конечно, оттого, что она больше не злится на меня. К тому же она ради того, чтобы поговорить со мной, вопреки принятым правилам сидит сейчас за нашим столиком. Мысль об этом доставляла мне большое удовольствие.

– Да, о том, что она побывала в лабиринте, никому не рассказывали... потому что она наткнулась там на Криса Родригеса.

– Того типа из домика Гермеса?

Я видал этого парня пару лет назад, мы тогда случайно подслушали его разговор на корабле под названием «Принцесса Андромеда», на котором плавал Лука. Крис был одним из тех полукровок, кто бросил лагерь и присоединился к армии титанов.

– Того самого, – подтвердила Аннабет. – Прошлым летом он взял и объявился в Фениксе, штат Аризона, по соседству с домом мамочки Клариссы.

– Что ты имеешь в виду «взял и объявился»?

– То, что говорю. Слонялся по пустыне, при жаре в сто двадцать градусов^[5], в полном доспехе греческого воина и нес несуразную чепуху про какую-то нить.

– Про нить, – повторил я за ней. Рассказ становился все интереснее.

– Он был полностью не в себе. Кларисса привела его в дом матери и оставила там, чтобы смертные не вздумали упрятать его в больницу. Она нянчилась с ним, как с маленьким. Потом к ним приехал Хирон и попытался расспросить Родригеса, но без толку.

Им удалось узнать только одно: люди Луки вплотную взялись за изучение лабиринта.

Я вздрогнул, и холодок пробежал у меня по коже, хоть я и сам точно не понимал, отчего так волнуюсь. Бедняга Родригес... Он был вроде неплохой парень. Что он мог узнать такое, из-за чего тронулся умом? Я перевел взгляд на Гроувера, тот дожевывал остатки своей вилки. Тогда я поинтересовался у Аннабет, зачем воинам Луки исследовать лабиринт?

– Точно не известно, – ответила она. – Для того чтобы выяснить это, Клариссу и послали на разведку. Хирон не хотел поднимать шум, чтобы никто не ударился в панику. Мне он рассказал об этом потому... ну, просто потому, что лабиринт всегда был моим самым любимым строением. Его архитектура включает в себя... – Взгляд Аннабет затуманился, лицо приняло мечтательное выражение. – Его строитель, Дедал, был настоящий гений. Суть лабиринта в том, что вход в него может располагаться практически в любом месте. И если Луке станет известен путь через него, то он сможет перебрасывать свою армию куда угодно, причем с невероятной скоростью.

– Однако сеть переходов сильно запутана.

– Конечно. И к тому же в лабиринте полно самых ужасных ловушек, – встрял Гроувер. – Тупики. Миражи. Монстры, убийцы сатиров.

– Это все так, – прервала его Аннабет, – но только если у тебя нет нити Ариадны. В прежние времена с помощью этой нити Тесею удалось выбраться из лабиринта. Это не просто нить, а своего рода навигационный прибор, изобретенный самим Дедалом. Обратите внимание, Крис Родригес все время говорил про какую-то нить.

– Значит, Лука пытается найти нить Ариадны, – догадался я. – Но зачем? Что он затеял? Аннабет покачала головой.

– Понятия не имею. Сначала я думала, что он хочет пройти через лабиринт, чтобы ворваться в наш лагерь, но это же бессмысленно. Ближайший выход, который удалось обнаружить Клариссе, находится на Манхэттене, а это означает, что лабиринт не поможет Луке преодолеть границы лагеря. Кларисса сделала попытку пробраться по туннелям, но это оказалось слишком опасным. Она несколько раз была на волосок от гибели. Я постаралась собрать как можно больше сведений о Дедале, но, боюсь, мне не слишком многое удалось. Не понимаю, что планирует Лука, но знаю одно: именно лабиринт может быть ключом, с помощью которого Гроувер справится со своей задачей.

– Ты что, считаешь, что бог Пан обитает под землей?! – Я даже заморгал от удивления.

– Если допустить такое предположение, становится понятно, почему его так трудно найти.

Гроувер пожал плечами.

– Сатиры всегда ненавидели спускаться под землю. Ни одному, пустившемуся в поиск, даже в голову не придет бродить там. Ни цветов. Ни солнечного света. Даже кофе нет!

– Но зато, – прервала его Аннабет, – лабиринт может привести тебя куда угодно. Он читает твои мысли. Он создан для того, чтобы одурачивать, расставлять ловушки и губить тех, кто в нем оказался, но если тебе удастся одолеть его, лабиринт станет работать на тебя.

– Он мог бы привести тебя к богу дикой природы, – сказал я.

– Нет, это не для меня. – Гроувер обхватил руками живот и захныкал. – От одной мысли о лабиринте мне хочется слопать все столовое серебро.

– Гроувер, это может оказаться твоим последним шансом, – деловито заметила Аннабет. – Совет говорит совершенно серьезно. Одна неделя, и все! Можешь отправляться бить чечетку.

Со стороны главного стола послышалось характерное покашливание, это Квинтус многозначительно прочищал горло. По-моему, этим он хотел намекнуть, что ему, конечно, не по душе устраивать сцены, но Аннабет слишком долго остается за чужим столом, и чаша его терпения уже переполнилась.

– Ладно, поговорим об этом позже. – Она стиснула мою руку так сильно, что я чуть не подпрыгнул. – Постарайся убедить его.

Аннабет вернулась за свой стол, где сидели дети Афины, игнорируя обращенные на нее со всех сторон вопросительные взгляды.

Гроувер обхватил голову руками.

– Я... я не могу сделать это, Перси. Моя лицензия на поиск... То, что я слышал голос Пана... И все это у меня могут отнять... Единственное, что мне теперь остается, это поступить в кукольный театр.

– Не говори так! Мы что-нибудь придумаем.

Сатир со слезами на глазах смотрел на меня и бубнил:

– Перси, ты же мой лучший друг. И ты видел меня тогда, в подземной пещере. Ну, у циклопа. Неужели ты и вправду считаешь, что я мог бы...

Его голос прервался. Я вспомнил Море чудовищ, где Гроувер оказался запертым на острове в пещере циклопа. Он и прежде терпеть не мог всякие подземелья, а после того случая стал их просто ненавидеть. Между прочим, и самих циклопов тоже. Говорил, что от них у него мурашки бегут по коже от страха. У него даже от Тайсона были мурашки. Гроувер старался скрывать это чувство, но с тех пор, как между нами развилось что-то типа эмпатической связи, мы с ним немножко научились читать мысли друг друга. Ну, как бы могли поставить себя на место другого. И потому я прекрасно понимал чувства, которые он испытывает. Гроувер попросту боялся моего брата.

– Мне пора, – жалобно пробормотал он. – Меня ждет Можжевелка. Я рад, что хоть она не презирает трусов.

Когда Гроувер ушел, я оглянулся на Квинтуса, он с печальным видом кивнул мне, словно мы с ним знали общий невеселый секрет. Затем перевел взгляд на свою тарелку и принялся кинжалом резать лежавшую на ней сосиску.

Ближе к вечеру я отправился на конюшню навестить своего друга, черного пегаса по кличке Пират.

«Йо-хо-хо, босс! – Он принялся дурачиться, вскидывать передние ноги и хлопать в воздухе черными крыльями. – Принес мне сахарных кубиков?»

Как сын Посейдона, который считается создателем лошадей, я прекрасно понимал язык всех копытных.

– Пират, ты же прекрасно знаешь, тебе от них один вред.

«Ага. Но ты ж их все равно принес».

Я улыбнулся и протянул ему пригоршню рафинада. Мы с Пиратом давно знакомы. Я когда-то вроде как спас его от монстров на круизном лайнере Луки, и с тех пор он так и норовит сделать мне что-нибудь приятное в ответ.

«Нет ли у нас каких дел? – весело спросил пегас. – А то я готов слетать куда угодно, босс!»

Я потрогал его холодный нос.

– Не сейчас, парень. Тут что-то поговаривают насчет подземных прогулок.

Пегас нервно заржал.

«Ну вот еще! Это не лошадиное дело. Ты ж не станешь соваться в эти дурацкие подземелья, а, босс? Так можно и на кладбище оказаться!»

– Может, ты и прав, Пират. Поглядим.

Пегас хрустел кубиками рафинада, время от времени встряхивая гривой от удовольствия.

«Йо-хо-хо! Что за славный денек выдался! Босс, кончай хандрить, давай куда-нибудь слетаем! Просто чтобы развеяться. Старина Пират со своим приятелем – да мы кого угодно на уши поставим!»

Я рассказал ему о том, что задумал. Потом в стойла пегасов притащилась целая команда ребят, у них начались уроки верховой езды, и я решил, что мне пришло время сматываться. Какое-то недоброе предчувствие говорило мне, что нам с Пиратом предстоит долгая разлука.

Вечером после ужина Квинтус велел всем надеть доспехи и вооружиться таким образом, словно мы готовимся к сражению за захват лагерного флага. Только я заметил, настроение у ребят было что-то слишком суровое. Ящики, которые еще вчера громоздились на арене, куда-то исчезли, и мне почему-то казалось, что их содержимое перекочевало в леса, окружавшие лагерь.

– Все сюда! – приказал Квинтус и встал во главе обеденного стола. – Собраться вокруг меня!

Свет факелов красиво играл на его доспехе – сплошь черная кожа и бронза, а седые волосы делали нашего инструктора похожим на привидение. Миссис О’Лири со счастливой мордой прыгала вокруг него, выпрашивая объедки от ужина.

– Разобьемся на пары, – объявил Квинтус. Все стали суетиться и выхватывать из толпы своих друзей. Но он сразу крикнул: – Пары уже назначены!

– УУУ! – раздался в ответ многоголосый рев.

– Цель простая: вы должны добыть золотые листья лавра и не погибнуть. Лавровый венок уложен в шелковый пакет и привязан к спине одного из чудовищ. Их будет шесть. И шелковый пакет есть у каждого. Но только в одном из них находится лавровый венок. Выигрывает тот, кто обнаружит его первым. И конечно... убьет чудовище, сумев при этом остаться в живых.

Ребята взволнованно загомонили. Задание было изложено вполне откровенно. Конечно, всем нам случалось и прежде уничтожать монстров. Для этого нас, собственно, тут и тренировали.

– Объявляю ваших напарников! – опять прокричал Квинтус. – Нельзя меняться! Нельзя выпрашивать других! Жаловаться бесполезно.

– Грмм. – Морда Миссис О’Лири утонула в тарелке с пиццей.

Квинтус же извлек откуда-то длинный свиток и начал зачитывать имена. Бекендорф был назначен в пару к Силене Боргард и просиял от счастья. Братья Стоулл, Тревис и Коннор, составили одну команду. Ничего удивительного, они все делают вместе. Клариссу объединили с Ли Флетчером – с детьми Ареса и Аполлона будет непросто тягаться, серьезная комбинация стратегического подхода и рукопашного боя. Квинтус продолжал называть имена и наконец дошел до моего:

– Перси Джексон и Аннабет Чейз.

– Отлично, – улыбнулся я ей.

– У тебя нагрудник перекосялся. – Аннабет небрежно поправила у меня на груди кожаные ремешки.

– Гроувер Ундервуд назначается в пару с Тайсоном, – объявил под конец Квинтус, и Гроувер чуть не выпрыгнул из своей козлиной шкуры.

– Что? Но к-к-к...

– Нет-нет, – тут же захныкал Тайсон. – Вы ошиблись, мистер инструктор. Этот козел...

– Не жаловаться! – отрезал Квинтус. – Принимайтесь за дело. У вас две минуты на подготовку.

Тайсон и Гроувер бросили на меня умоляющие взгляды, я им ободряюще закивал и жестом показал, что все складывается наилучшим образом. Тайсон тут же расчихался, а Гроувер принялся нервно грызть свою деревянную дубинку.

– Все у них получится, – сказала Аннабет. – Пошли. Надо отработать способ, как верней остаться в живых.

Еще не начинало смеркаться, когда мы углубились в лес, но удлинившиеся тени создавали здесь почти ночной полумрак. Следы противника мы с Аннабет отыскивали почти сразу – отпечатки, в спешке оставленные каким-то существом с множеством ног. Мы продвигались вперед, стараясь не терять их из виду.

Один раз, когда нам пришлось перепрыгивать через ручей, неподалеку хрустнул сучок. Мы тут же спрятались за камнем, но оказалось, что это братцы Стоулл пробираются лесом, ругаясь напропалую. Их папаша, может, и был богом воров, но у них самих ловкости – как у носорога.

Когда они скрылись из виду, мы двинулись в западную часть леса, водившиеся в той стороне чудовища были самыми сильными и дикими. Добравшись до края обрыва, мы некоторое время постояли там, разглядывая болотистый пруд, открывшийся нашим глазам. Вдруг я почувствовал, что Аннабет вздрогнула и напряглась.

– То самое место, где мы бросили его искать, – глухо сказала она.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем она. Прошлой зимой, когда мы все разыскивали Нико ди Анджело и, прочесав чуть ли не весь лес около лагеря, добрались сюда, именно тут нас оставила последняя надежда. Гроувер, Аннабет и я, помнится, стояли на этом самом каменистом обрыве, и я убеждал их в том, что Хирон не должен знать правды. Ему нельзя рассказывать, что Нико – сын Аида. В то время это казалось мне самым лучшим выходом. Я хотел защитить его, хотел найти Нико сам и объяснить все обстоятельства, связанные со смертью его сестры. Но теперь, полгода спустя, я так же далек от решения этой задачи, как и тогда. Во рту у меня появилась горечь.

– Прошлой ночью я видел его, – пробормотал я.

Аннабет непонимающе взглянула на меня.

– Как это, видел?

Я стал рассказывать ей о послании Ириды и о том, что увидел у фонтанчика в своем домике. Пока я говорил, она молча смотрела в глубь леса, на подступающие к нам тени.

– Он хочет вернуть умершую? Нехорошо.

– Тот призрак, которого я видел, дает ему плохие советы, – пояснил я. – Призывает отомстить.

– Да-а... Духи действительно не всегда хорошие советчики. Они ведь преследует свои цели, никак не забудут старые распри. К тому же они обижают живых.

– Нико собирается явиться за мной. А еще этот призрак упоминал о лабиринте.

– Все сходится, – кивнула Аннабет. – Нам просто необходимо найти лабиринт.

– Может, и так. – Я поежился. – Но все-таки кто послал мне это сообщение через Ириду? Если Нико не знал, что я тут, в лагере...

И вдруг снова – хруст ветки. Шорох сухих листьев. Что-то огромное шумно двигалось между деревьями как раз под гребнем скалы, на котором мы стояли.

– Это уже не братья Стоулл, – шепнула Аннабет.

Почти одновременным движением мы выхватили мечи.

Через считанные минуты мы добежали до Кулака Зевса – огромной груды валунов в самой чаще западного участка леса. У этой, самой природой созданной горки часто сходились наши охотничьи экспедиции. Но сейчас здесь не было ни души.

– Вон там, – шепнула мне Аннабет.

– Нет, погоди, – возразил я. – По-моему, позади нас.

Происходило что-то непонятное. Шорох чьих-то торопливых шагов доносился с разных сторон. С мечами в руках мы стали обходить скопление камней, когда вдруг позади нас чей-то голос произнес:

– Привет!

Мы резко обернулись, мечи в руках блеснули, и лесная нимфа Можжевелка вскрикнула от испуга.

– Уберите их! – запротестовала она. – Мы, дриады, не любим острых лезвий. Хорошо?

– Можжевелка! – воскликнула Аннабет. – А ты что здесь делаешь?

– Живу.

– В этих булыжниках? – Я опустил меч.

– В можжевельнике, дурачок. – Дриада указала на опушку леса:

Я сразу почувствовал себя глупо. И впрямь, как можно было не догадаться! С дриадами я познакомился несколько лет назад, но вести с ними долгие беседы все как-то не приходилось. Знаю только, что они никогда не удаляются слишком далеко от деревьев, в которых живут, но кроме этого, мне про них почти ничего не известно.

– А вы сейчас сильно заняты? – спросила Можжевелка.

– Ну... вообще-то у нас самый разгар военной игры против чудовищ, и мы изо всех сил стараемся не погибнуть...

– Нет, – оборвала меня Аннабет, – мы ничем не заняты. Что случилось, Можжевелка?

Нимфа всхлипнула и вытерла рукавом глаза.

– Гроувер. Он кажется таким расстроенным. Целый год он искал Пана. И каждый раз, когда он возвращается, то становится все печальней и печальней. Я даже подумала, может, он встретил другое деревце, а можжевельник разлюбил.

– Нет, что ты, – поспешно заверила ее Аннабет. – Уверена, что причина не в том.

– Один раз я видела, как он упал на куст черники, – пожаловалась Можжевелка.

– Можжевелочка, – ласково сказала Аннабет, – Гроувер никогда даже не смотрит на другие деревья. Просто он ужасно расстраивается из-за своей лицензии на поиск.

– Он терпеть не может подземелья, – вздохнула дриада. – И вы не должны заставлять его туда спускаться.

Аннабет смутилась.

– Мы не заставляем, но это, может быть, единственный способ помочь ему. Если б мы,

конечно, знали, откуда начинать, чтобы оказаться в лабиринте.

– А-а. – Можжевелька стерла зеленую прозрачную слезинку со щеки. – Насчет этого...

Опять в лесу что-то зашуршало, и дриада испуганно воскликнула:

– Прячьтесь скорее!

И прежде чем я успел спросить почему, она нырнула в зеленый туман. Мы с Аннабет оглянулись. Из леса прямо на нас выползло янтарного цвета насекомое футов десять в длину, с острыми, как топоры, клешнями, блестящей чешуей, твердым панцирным хвостом и жалом длиннее, чем мой меч. Скорпион! К его спине был привязан алый шелковый мешок.

– Так! Один из нас пробирается за спину к этой твари, – скомандовала Аннабет, когда чудовище двинулось на нас, – и отсекает ему хвост, пока второй отвлекает внимание, нападая спереди.

– Усек! Надевай свою шапку-невидимку.

Она кивнула. Мы уже столько раз сражались бок о бок, что понимали друг друга с полуслова. С этим мы справимся. Но когда мы увидели, что из лесу на нас выползает еще два таких же скорпиона, то поняли: дело обстоит намного хуже, чем мы полагали.

– Три?! – воскликнула Аннабет. – Это не по правилам! По лесу шастает целая команда охотников, а на нашу долю выпустили половину зверья?

Я только сглотнул. Одного – это мы запросто. Двоих – ну при удачном стечении обстоятельств можно и двоих. Но целых три? Очень сомневаюсь.

Скорпионы лезли на нас, их шипастые хвосты так и свистели в воздухе, готовясь разрубить каждого из нас на части. Мы прижались спиной к ближайшей каменной глыбе.

– Айда наверх? – спросил я.

– Не успеем.

Она права, скорпионы нас уже окружали. Твари были так близко, что я различал слюну, капающую из их пастей в предвкушении столь изысканного обеденного блюда, как полукровки.

– Берегись! – крикнула мне Аннабет, отбивая плоской стороной лезвия выстрелившее в нее жало.

Анаклузмос сверкнул в воздухе, угрожая другому жалу, но скорпион в мгновение ока оказался вне досягаемости. Воспользовавшись передышкой, мы стали карабкаться по камням наверх, но скорпионы не отставали. Я ударил мечом одного, но продолжать стратегию нападения было слишком опасно. Если я буду пытаться разрубить мечом тело скорпиона, он размахнется, двинет своим ужасным хвостом – и поминай как звали. Если же я попробую отрубить этой твари хвост, то его клешни обхватят меня с боков и раздавят. Все, что остается, это держать оборону, но надолго нас не хватит.

Я сделал выпад в сторону, пробуя прижаться к камням, и вдруг обнаружил, что позади меня их нет, там зияет пустота. Между двумя огромными валунами чернела глубокая трещина... странно, я, наверное, сто раз тут был и ни разу ее не видел.

– Залезай сюда, – крикнул я Аннабет.

Она, рубанув скорпиона, который только что чуть не схватил ее, с недоумением взглянула на меня.

– В эту щель? Но она слишком узкая!

– Полезай. Я тебя прикрою. Давай!

Она скользнула мимо меня и стала протискиваться между камнями. Вдруг раздался вскрик, Аннабет ухватилась за меня, потянула за собой, и мы с ней стали куда-то

проваливаться. Между камнями разверзлась яма, которой еще секунду назад здесь не было. На мгновение надо мной вспыхнуло пурпуром вечернее небо, замелькали деревья, распахнулись страшные пасти скорпионов, и тут же все исчезло. Будто захлопнулась крышка фотообъектива и мы очутились в полнейшей тьме.

Тишина... Вокруг нас стало так тихо, что наше тяжелое дыхание рождало ответное эхо. Камни вокруг были влажными и холодными. Я присел на неровный пол, словно бы выложенный из каменных плит, и поднял Анаклузмос. Слабого свечения, струившегося от его лезвия, было достаточно, чтобы увидеть испуганное лицо Аннабет и обросшие мхом булыжники стен.

– Г-где мы? – заикаясь, спросила Аннабет.

– Во всяком случае, там, где нет скорпионов.

Я старался говорить спокойно, но мне тоже было страшновато. Трещина, в которую мы пролезли, не могла вести в пещеру, это абсолютно точно. Если б на территории лагеря находилась такая пещера, об этом бы все знали. Пока что происшедшее с нами походило на то, что сама земля расступилась и поглотила нас. Мои мысли тотчас завертелись вокруг той трещины перед дверью нашего павильона для трапезы, куда однажды провалились скелеты-призраки. И я стал подумывать, что примерно то же самое случилось и с нами.

Я снова поднял меч, разгоняя тьму вокруг нас.

– Какая длинная комната, – пробормотал я, вглядываясь во мрак.

Аннабет судорожно схватилась за мою руку.

– Это не просто расщелина, – зашептала она. – Это подземный коридор.

Она права. Тьма впереди сгущалась так, будто там была пустота и оттуда потихоньку дул теплый ветерок, какой иногда ощущается в туннелях метро, только этот, казалось, нес в себе некую угрозу.

Я встал и двинулся вперед, но Аннабет остановила меня.

– Дальше ни шагу, – предупредила она. – Сначала нужно найти выход отсюда.

Она и вправду выглядела очень напуганной.

– Зачем его искать, – возразил я, – он прямо надо мной.

Я поднял голову, взглянул наверх и понял, что той расщелины, через которую мы свалились вниз, уже нет. Над нашими головами тянулся сплошной каменный потолок. Коридор же уходил в обоих направлениях, и конца ему не было видно.

Ладонь Аннабет опять скользнула мне в руку и осталась там. При других обстоятельствах я бы, наверное, смутился, но в этой тьме крошечной я был даже рад, что знаю, где она. Поскольку это единственное, что я сейчас знал.

– Отступаем на два шага, – приказала Аннабет.

Мы сделали их почти одновременно, будто ступали по минному полю.

– Так. Хорошо. Теперь помоги мне лучше разглядеть стены.

– Зачем это?

– Чтобы отыскать метку Дедала.

В голосе Аннабет звучала уверенность, что она ее найдет.

– Хм, ладно, а что это за метка? – поинтересовался я, но в этот момент она с облегчением воскликнула:

– Есть!

Аннабет приложила руку к стене, и от этого места заструилось слабое голубоватое свечение. На стене виднелся знак Δ, греческая буква «дельта».

Потолок скользнул вбок, и тотчас над нашими головами появилось синее ночное небо, сплошь усеянное звездами. Только почему-то оно было гораздо темнее, чем я ожидал. По одной стороне стены наверх вели перекладыны металлической лестницы. До моего слуха доносились человеческие голоса, выкрикивавшие наши имена:

– Пе-ерси! А-аннабет!

Голос Тайсона звучал громче всех, но остальные тоже кричали не слабо.

Я тревожно оглянулся на Аннабет, и мы стали взбираться по лестнице.

Когда мы вылезли наверх, на кучу камней, то тут же угодили в объятия Клариссы и целой оравы других ребят. В руках все они держали факелы.

– Где вы двое пропадали? – обрушилась на нас Кларисса. – Мы уже целую вечность вас ищем!

– Какую вечность? Нас не было минут пять, не больше.

Прискакал Хирон, за ним по пятам бежали Тайсон с Гроувером.

– Перси! – обрадованно воскликнул мой братишка. – С тобой ничего не случилось?

– Все нормально, ты чего? – Я даже удивился. – Просто мы минуту назад провалились в какую-то дыру.

Все недоверчиво оглядели сначала меня, потом Аннабет.

– Честно! На нас напало три скорпиона, мы бросились бежать от них и спрятались среди камней. Нас всего минуты две и не было.

– Вас не было почти час, – строго сказал Хирон. – Игра давно окончилась.

– Ага, – пробормотал Гроувер. – Мы бы выиграли, если б этот циклоп на меня не уселся.

– Я же нечаянно! – горячо запротестовал Тайсон и сразу же расчихался.

Кларисса держала в руках золотой лавровый венок, но почему-то не хвасталась победой, хоть ей такая скромность была вовсе не свойственна.

– А где дыра, в которую вы провалились? – подозрительно осведомилась она.

Аннабет перевела дыхание. Оглянулась на ребят, обступивших нас.

– Хирон... Может, поговорим об этом в Большом доме?

– Вы нашли его? – охнула Кларисса.

Аннабет прикусила губу.

– Э-э... ну... да, мы его нашли.

На нас со всех сторон посыпались вопросы, ребята, казалось, так же ничего не понимали, как и я. Хирон предупредительно поднял руку, требуя тишины.

– Сейчас не лучшее время задавать вопросы и здесь не лучшее место, чтобы на них отвечать. – Кентавр оглядел гору камней с таким подозрением, словно ему именно в этот момент бросилось в глаза, насколько опасными они выглядят. – Все марш по своим домикам. И спать! Игра прошла замечательно, но вам давно пора отдыхать.

Сразу разразился поток жалоб и стонов, но ребята все-таки послушно отправились в лагерь, на ходу оживленно переговариваясь. Взгляды, которые я ловил на себе, были откровенно недоумевающими.

– Что ж, это многое объясняет, – пробормотала Кларисса. – Например, теперь становится ясно, что искал Лука.

– Секундочку, – попросил я. – Что ты имеешь в виду? Что мы такое нашли?

Аннабет повернулась ко мне с потемневшими от тревоги глазами.

– Вход в лабиринт. Оказывается, в самом сердце нашего лагеря существует лазейка для

вторжения.

Глава четвертая

Аннабет нарушает правила

Хирон, невзирая на наши протесты, настоял на том, чтобы все важные разговоры перенесли на утро. Другими словами, это звучало приблизительно так: «Эй, над тобой нависла страшная опасность, но ты пока не обращай внимания, спи себе дальше!»

Разумеется, я долго не мог заснуть, а когда это наконец удалось, мне приснилась темница.

Сначала я увидел какого-то мальчика. Одетый в греческую тунику, обутый в плетеные сандалии, он сидел, скорчившись, на полу просторной комнаты с каменными стенами. Больше здесь никого не было. Вместо потолка я увидел синее ночное небо, но стены в этом помещении были высотой футов под двадцать и сооружены из гладко отполированного мрамора. По всей комнате валялись разбросанные деревянные ящики, некоторые из них разломались, другие были опрокинуты, в общем, казалось, что их притащили сюда волоком. Из одного ящика на пол высыпались разные инструменты из бронзы, я увидел компас, пилу, несколько других, непонятого мне назначения.

Мальчик примостился в углу, он дрожал – может, от холода, а может, от страха. К тому же все его тело покрывала засохшая грязь, руки, ноги и лицо были расцарапаны, как будто его волокли сюда вместе с ящиками.

Внезапно со скрипом стали отворяться двойные дубовые двери, и через минуту в комнату вступили два стражника в доспехах из бронзы. Между ними, с трудом переставляя ноги, ковылял какой-то старик, которого они оба вынуждены были поддерживать, чтобы тот не упал. Дотащив до середины комнаты, стражники швырнули его на пол, и он, не шевелясь, застыл там как бесформенная куча тряпья.

– Отец! – Мальчик с криком кинулся к нему.

Одежды старика представляли собой сплошные лохмотья, седые волосы перепутались, длинная курчавая борода сбилась в колтун. Нос сломан, изо рта сочилась кровь.

Мальчик обнял старика.

– Что они с тобой сделали? – горестно воскликнул он, обращаясь к старику, потом обернулся к стражникам и выкрикнул: – Я убью вас!

– Не сегодня, – произнес чей-то голос.

Стражники расступились, давая дорогу стоявшему позади них высокому мужчине. На нем были белые одежды, на голове сиял тонкий золотой обруч, а борода казалась такой узкой, что походила на древко копья. Глаза мужчины сверкали жестокостью.

– Ты помог афинянину убить моего минотавра, Дедал. Ты умудрился настроить против меня даже мою дочь.

– Вы сделали это сами, ваше величество, – с трудом выговорил разбитыми губами старик.

Один из стражников двинул ему кулаком под ребра, и Дедал застонал от боли.

– Прекратите! – воскликнул мальчик.

– Ты так сильно полюбил свой лабиринт, – продолжал царь, – что я решил: было бы жестоко разлучать тебя с ним. Оставайся здесь, пусть лабиринт станет твоей мастерской. Будешь тут создавать новые чудесные вещи. Мне на забаву. В каждом лабиринте должно

сидеть чудовище, вот ты и будешь моим чудовищем.

– Я не боюсь тебя, – ответил старик, не сдержав стона.

Царь презрительно усмехнулся и перевел взгляд на мальчика.

– Но за сына-то ты, наверное, боишься? Ты ведь, кажется, любишь его? Так вот, попробуй еще раз послушаться меня, старик, и наказание понесет твой сын.

Царь быстрыми шагами вышел из комнаты, за ним последовали стражники. Двери лязгнули, закрываясь, и старик с сыном остались в темноте.

– Что нам теперь делать? – жалобно спросил мальчик. – Отец, я боюсь, они убьют тебя!

Старик с трудом сглотнул, попытался улыбнуться сыну, но распухшие окровавленные губы не слушались.

– Не падай духом, сын мой. – Он поднял глаза к звездам. – Я... я найду выход.

Тяжелый засов стал задвигаться, и от его громкого скрежета я проснулся в холодном поту.

Хирон созвал военный совет в такую рань, что я еще толком не успел прийти в себя. Особенно после такого сна. Мы встретились на арене для поединков, что я, честно говоря, счел довольно странным – как можно обсуждать судьбу лагеря, когда рядом Миссис О’Лири жует ярко-розовое резиновое чучело быка в натуральную величину.

Хирон и Квинтус стояли, беседуя, перед стойками с составленными в них мечами, Кларисса с Аннабет уселись рядом и принялись что-то горячо обсуждать, Тайсон и Гроувер разбежались как можно дальше друг от друга. За столом сидели дриада Можжевелка, Силена Боргард, Тревис и Коннор Стоуллы, Бекендорф, Ли Флетчер... и даже Аргус был здесь, стоглазый глава службы безопасности лагеря. Только теперь до меня дошло, насколько важно для лагеря это собрание. Аргус никогда не показывался, если речь шла о пустяках. Все время, пока Аннабет говорила, он так тарачил на нее сотню своих налитых кровью глазищ, что все его тело стало красно-синим, словно на наших глазах покрылось кровоподтеками.

– Лука, должно быть, знал о существовании этого входа в лабиринт, – начала Аннабет. – Про лагерь он вообще знает почти все.

Мне послышалась в ее голосе некоторая гордость. Она и вправду до сих пор уважала этого парня, несмотря на все то, что он натворил.

Можжевелка кашлянула.

– Именно это я и пыталась сообщить тебе вчера вечером, перед тем как на вас напали скорпионы. Вход в пещеры там находится уже давно. И Лука часто им пользовался.

– Тебе было известно о пещерах и ты ничего нам не рассказала? – нахмурилась Силена.

Лицо Можжевелки позеленело.

– Но откуда же мне было знать, что это важно? Какая-то пещера... Я вообще-то не охотница лазать во всякие старые подземные развалины.

– У девочки хороший вкус, – заметил Гроувер.

– Я бы и на эту внимания не обратила, если б... ну, если б не увидела там Луку. – Теперь зеленый оттенок на ее щеках стал чуточку гуще.

– Считайте, что про вкус я ничего не говорил, – хмыкнул Гроувер.

– Весьма интересно, – заметил Квинтус, продолжая задумчиво полировать лезвие своего меча. – И вы считаете, что молодой человек, которого вы зовете Лукой, имел бы смелость воспользоваться лабиринтом для вторжения в пределы лагеря?

– Еще как имел бы, – вмешалась Кларисса. – Если б ему удалось привести армию

чудовищ в лагерь полукровок, в самую середину нашего леса, миновав опечатанные границы, да у нас не осталось бы ни одного шанса на спасение. Он всех бы выставил отсюда! Наверняка он уже не один месяц планировал такую штуку.

– Он засылал в лабиринт своих разведчиков, – пояснила Аннабет. – Мы узнали об этом потому, что одного из них мы обнаружили.

– Знаю. Крис Родригес, – сказал Хирон и бросил на Квинтуса многозначительный взгляд.

– А-а, – протянул тот. – Один из... Понятно.

– Один из кого? – спросил я.

Кларисса посмотрела на меня и нехотя объяснила:

– Дело в том, что Лука хотел изучить строение лабиринта и искал способ проложить через него верные пути. Он же мечтал отыскать мастерскую, в которой работал Дедал.

И тут я вспомнил того окровавленного старика в драной одежде, который приснился мне нынешней ночью, и воскликнул:

– Тот, кто создал когда-то этот лабиринт!

– Да, – подтвердила Аннабет, – это был величайший из архитекторов, самый талантливый изобретатель всех времен. Если легенды говорят о нем правду, то мастерская Дедала должна находиться в самом центре лабиринта. Он единственный, кому была известна схема лабиринта и пути через него. Если б Луке удалось разыскать мастерскую и убедить Дедала помочь ему, то для него исчезла бы необходимость рыскать в поисках правильного маршрута и он больше не рисковал бы армией при прохождении через лабиринт. Он смог бы быстрым и верным путем пройти сквозь него и оказаться в намеченной точке. Сначала в нашем лагере, чтобы расправиться со всеми полукровками, а потом... ну что же, потом бросить свою армию на Олимп.

Воцарилось глубокое молчание, которое нарушалось только треском, с которым Миссис О'Лири крушила громадного игрушечного бычка: хрум, хрум.

– Одну минутку, я что-то не понял, – переспросил Бекендорф, положив огромные руки на стол. – Аннабет, ты сказала «убедить Дедала». Но разве он не умер?

Квинтус хмыкнул.

– Очень надеюсь на это. Ваш изобретатель жил, э-э, скажем, две-три тысячи лет назад. Но даже если он жив и сейчас, разве мифы не сообщают, что он покинул лабиринт, изготовив крылья себе и сыну?

– В том-то и трудность, дорогой Квинтус. – Хирон беспокойно переминался с ноги на ногу, как я догадался по перестуку его копыт. – Правда никому не известна. Ходили слухи о... ну, скажем, слухи о нем ходили весьма разнообразные. Согласно одной из версий, Дедал под конец жизни вернулся обратно в лабиринт. И вполне вероятно, что он там и остался.

Мне опять пришел на ум старик, увиденный мной во сне. Он показался мне едва живым, с трудом верилось, что он может протянуть еще неделю, не то что три тысячи лет.

– Нам необходимо проникнуть в лабиринт, – горячо продолжала Аннабет. – Нужно поскорее разыскать мастерскую, пока там не оказался Лука. Если Дедал жив, на его помощь должны опереться мы, а не Лука. Если нить Ариадны еще существует, нужно позаботиться о том, чтобы она никогда не попала в руки предателя.

– Погоди-ка, – перебил ее я. – Если нас так тревожит возможность нападения, то почему просто не заблокировать вход в лабиринт? Запечатать туннель?

– Отличная мысль! – воскликнул Гроувер. – Я займусь динамитом.

– Это не так просто, дурень, – мрачно вмешалась Кларисса. – Мы уже попробовали поступить так с тем входом, который обнаружили в Фениксе. И ничего хорошего не вышло.

Аннабет кивнула и пояснила:

– Лабиринт – это совершенная магическая структура, Перси. Для того чтобы заблокировать даже единственный вход, требуется огромное количество энергии. В Фениксе Клариссе пришлось снести огромную постройку, разрушив ее, а в результате вход в лабиринт всего лишь сместился на несколько футов вбок. Лучшее, что мы можем сделать, это помешать Луке заполучить план лабиринта.

– Еще мы можем сражаться, – раздался голос Ли Флетчера. – Теперь, когда нам известно, где находится вход, мы можем соорудить поблизости от него оборонительный рубеж и устроить засады. Если чья-либо армия попытается преодолеть эту линию защиты, она наткнется на нас, вооруженных до зубов.

– Разумеется, оборонительные линии будут созданы, – согласился Хирон. – Но, боюсь, Кларисса права. Магия обеспечивала безопасность границ лагеря в течение сотен лет. Если же теперь Луке удастся миновать их, пройдя под землей, и перебросить многочисленную армию прямо в лагерь, у нас может оказаться недостаточно сил на самооборону.

При этих словах на лицах всех присутствующих отразилась тревога. Хирон, как правило, старался поддерживать в ребятах оптимизм и поднимать хорошее расположение духа, и если уж он предсказывает, что нам не справиться с обороной, то дело плохо.

– Разыскать мастерскую Дедала совершенно необходимо, – продолжала настаивать Аннабет. – Цель: найти нить Ариадны и не дать Луке возможности воспользоваться ею.

– Но если до сих пор никому не удавалось пройти через лабиринт, – вмешался я, – то разве у нас есть шансы?

– Я уже несколько лет изучаю архитектуру, – ответила Аннабет, – и творение Дедала мне известно лучше, чем кому-либо другому.

– Только потому, что ты начиталась о нем разных книжек!

– Можно и так сказать.

– Думаю, этого недостаточно.

– Должно быть достаточно!

– Ошибаешься!

– Лучше скажи: ты собираешься помогать мне или нет?

Я заметил, что все собравшиеся, следя за нашим диалогом, только и успевают поворачивать головы то в одну, то в другую сторону, будто смотрят теннисный матч. В тишине раздался еще один «хрум», голова бычка оторвалась, и Миссис О’Лири принялась ее терзать.

– Сначала о главном. – Хирон откашлялся. – Итак, сначала нужно провести разведку. Кто-то из нас должен отправиться в лабиринт, разыскать мастерскую Дедала и провести переговоры с изобретателем. Если он, конечно, жив. Тем самым лишит Луку возможности перебросить свою армию через лабиринт в наш лагерь.

– И нам всем ясно, кто возьмет на себе эту задачу, – вставила Кларисса. – Аннабет.

Бормотание, послышавшееся при этих словах со всех сторон, явно выражало общее согласие. Мне было известно, что мечта о самостоятельном поиске владела дочерью Афины с самого раннего детства, но сейчас Аннабет вовсе не выглядела счастливой.

– Ты сделала не меньше моего, Кларисса, – обратилась она к дочери Ареса. – Тебе тоже следует пойти.

– Я не собираюсь туда соваться, – покачала головой Кларисса.

– Только не говори мне, что ты испугалась, Кларисса, цыпленочек! – расхохотался

Тревис Стоулл.

Дочь Ареса вскочила на ноги. Я не сомневался, что сейчас от Тревиса пух и перья полетят, но она лишь произнесла дрожащим голосом:

– Что ты понимаешь, придурок! Я туда никогда не войду. Никогда!

И она вихрем вылетела с арены.

Тревис с глуповатым видом огляделся:

– Ну... Я не хотел никого обидеть...

Хирон поднял ладонь, призывая его к молчанию.

– Ты и не обидел. Не будем забывать, у девочки был нелегкий год. Перейдем к другому вопросу: все ли согласны с тем, что возглавить поиск поручается Аннабет?

Мы с энтузиазмом закивали. Все, кроме Квинтуса. Он сидел, скрестив на груди руки и задумчиво уставившись на столешницу, но, по-моему, никто не обратил на него внимания.

– Отлично, – подвел итог обсуждению Хирон и повернулся к Аннабет. – Мы приняли решение. Теперь тебе необходимо обратиться к оракулу. Если ты не удержишься у него, то еще застанешь нас здесь.

Ждать возвращения Аннабет оказалось труднее, чем я думал. Когда я сам ходил к мумии за предсказанием, было легче.

До этого дня я дважды получал пророческие предсказания. Первый раз это произошло на пыльном чердаке Большого дома, где дух дельфийского оракула дремал в теле мумифицированной хиппи в женском платье. А второй раз – когда оракул совершил небольшую прогулку по лесу. И это событие до сих пор является мне в страшных снах.

Меня лично не пугало обращение к оракулу, хоть об этом ходили самые жуткие истории: ребятам, услышавшим предсказание, случалось сходить с ума от страха, а иногда видения, посланные им, были такими ужасными, что они даже умирали.

Но сейчас я беспокойно мерил шагами арену, томясь в ожидании Аннабет. Миссис О’Лири с аппетитом поглощала блюдо, поданное ей на ланч: примерно сотня фунтов мясного фарша и несколько собачьих галет, каждая размером с крышку мусорного бака. Интересно, где Квинтус берет галеты такой величины; не похоже, что можно зайти в универсам, где продают корм для животных, и спокойно погрузить такое лакомство в тележку.

Между Хироном, Квинтусом и Аргусом разгорелась весьма оживленная беседа. По тому, как Квинтус то и дело отрицательно качал головой, я догадался, что они явно не могут прийти к соглашению.

На другой стороне арены Тайсон и братья Стоулл устроили состязания на миниатюрных бронзовых колесницах, которые мой братец соорудил из остатков пришедшего в негодность оружия.

Я бросил расхаживать взад-вперед и пошел прочь с арены. За нею тянулись поля, дальше виднелся чердак Большого дома, окошко в нем было темным и пустым. Что же Аннабет так долго? Я закончил свою беседу с оракулом гораздо быстрее.

– Перси, – услышал я девчачий голос.

В кустах едва заметно маячил силуэт Можжевельки. Понять не могу, как это она ухитряется становиться почти невидимой, сливаясь с растительностью.

Но сейчас она была очень даже видима, потому что энергично махала руками, жестами подзывая меня к себе.

– Мне кажется, что тебе нужно знать еще кое о чем. Лука не единственный, кого я застала поблизости от той пещеры.

– О ком ты говоришь?

Дриада бросила косой взгляд в сторону арены.

– Я хотела рассказать об этом прямо там, но он все не уходит и не уходит!

– Кто?

– Ну, этот, – мотнула она головой. – Учитель боя на мечах. Он сам вечно шныряет около той кучи камней.

Живот у меня точно клещами сжало.

– Квинтус? Когда он там шнырял?

– Точно не знаю. Я ведь не обращаю внимания на время. Может, неделю назад, когда он впервые появился в лагере.

– И что он там делал? Пролез в расщелину?

– Я... я не знаю. Он такой хитрый, Перси. Я даже не видела, чтобы он к ней приближался. Просто раз – и его уже нет. Ты должен сказать Гроуверу, что это слишком опасно.

– Можжевелочка? – как раз в этот момент послышался голос Гроувера, окликавшего дриаду с арены. – Куда ты подевалась?

Можжевелка вздохнула.

– Мне, пожалуй, лучше пойти к нему. Только не забудь о том, что я тебе рассказала. Не доверяй этому человеку!

И с этими словами она побежала к арене.

А я опять уставился на Большой дом, чувствуя себя в растерянности больше, чем когда-либо. Если Квинтус что-то разыскивает в лабиринте... Ох, до чего же мне сейчас необходимо посоветоваться с Аннабет. Она бы уж точно догадалась, что означает новость, рассказанная лесной нимфой.

Да где же Аннабет, черт побери? Что бы там оракул ни вещал, это не может занять столько времени.

Короче, я больше не мог терпеть.

Может, это и против правил, но меня никто не видит. Я бегом спустился с холма и помчался по клубничному полю.

В вестибюле Большого дома было до странности тихо. Обычно, когда приходишь сюда, первым делом видишь Диониса, сидящего подле камина и греющегося у огня. Почти всегда он при этом лакомится виноградом и играет в карты с сатирами, всюду насмехаясь над ними. Но сейчас мистер Д. в лагере отсутствовал.

Я пошел дальше, половицы громко потрескивали у меня под ногами. Когда я добрался до подножия лестницы, шаги мои невольно замедлились и я засомневался. Четыре этажа над моей головой представляли собой гигантскую сеть ловушек, перекрывающих ход к чердаку, и Аннабет может находиться где угодно. Минуту я постоял тихо, прислушиваясь. Но то, что я вдруг услышал, меня как громом поразило.

Отчаянный плач. И доносился он откуда-то снизу.

Крадучись я стал обходить нижние ступени лестницы. Дверь была раскрыта, за нею зиял

вход в подвал. А я даже не знал, что в Большом доме есть подвал! Заглянул внутрь и увидел, что в его дальнем углу сидят двое. Их почти не было видно среди нагромождения кувшинов с амброзией и банок с клубничным вареньем.

Одной из сидевших в подвале была Кларисса. Другим – молодой смуглый парень, одетый в штаны от камуфляжного костюма и грязную черную футболку, его всклокоченные волосы казались сальными. Парень этот сидел, опустив голову, и заливался горькими слезами. Я узнал его, это был Крис Родригес, один из тех полукровок, что убежали с Лукой.

– Успокойся, пожалуйста, – уговаривала его Кларисса. – Выпей немного нектара и успокойся.

– Ты призрак, Мария. – Крис испуганно забился в самый угол дивана, подальше от Клариссы. – У-ходи от меня.

– Никакая я не Мария. – Голос Клариссы звучал нежно и по-настоящему грустно. В жизни от нее такого не ожидал. – Меня зовут Кларисса. Запомни, пожалуйста, мое имя.

– Здесь темно, как я могу его запомнить, – продолжая рыдать, возразил Крис. – Ужасно темно!

– Тогда давай выйдем отсюда, – ухватила за его слова Кларисса. – На свету тебе станет легче.

– Це-е... целая тысяча черепов. Земля хранит их...

– Крис, – продолжала упрасивать его Кларисса. Казалось, что она и сама близка к тому, чтобы расплакаться. – Ты должен забыть об этом. Пожалуйста! Мистер Д. скоро возвращается. И он прекрасно излечивает всякие закидоны вроде твоего. Ты только постарайся продержаться до его приезда.

Глаза Криса сверкали, как у загнанной в угол крысы, с диким отчаянием.

– Отсюда нельзя выйти, Мария. Нет пути наружу.

Тут он заметил меня, и у него вырвался придушенный глухой стон.

– Сын Посейдона! Какой он страшный!

Я отпрянул от двери, чтобы Кларисса не успела меня заметить. Кажется, так и случилось, потому что вместо того, чтобы побежать за мной и попытаться убить на месте, она продолжала сидеть с Крисом и утешать его, уговаривая выпить нектар. Голос ее оставался таким же печальным и умоляющим. Наверное, решила, что я тоже часть галлюцинации Криса. Но почему он окликнул меня, почему сказал «сын Посейдона»? Крис действительно смотрел в ту минуту прямо на меня, но я был почти уверен, что он меня не видел.

И эта трогательная заботливость Клариссы! Мне и в голову не могло прийти, что она способна любить кого-то. Но мягкий тон, которым она разговаривала с Крисом... и как произносила его имя... Она знала этого парня еще до того, как он переметнулся на сторону наших врагов. Наверное, они были знакомы друг с другом лучше, чем я думал. А сейчас он сидит тут, в подвале, боится высунуть нос наружу и бормочет всякую ерунду о какой-то Марии. Неудивительно, что Клариссу не тянет в лабиринт. Что же там с ним случилось?

Откуда-то сверху послышался шорох – будто приоткрылась дверь чердака, – и я бегом кинулся к выходу. Нужно поскорей отсюда выбираться.

– Моя дорогая! Ты сделала это. – Такими словами Хирон приветствовал Аннабет.

Возвратившись, она молча присела на скамью и, опустив голову, уставилась в пол.

– Ну, как успехи? – раздался голос Квинтуса.

Почему-то Аннабет сначала взглянула на меня.

Я не понял, то ли она хотела о чем-то предупредить, то ли боялась чего-то. Мне казалось, в глазах ее мелькнул отблеск страха. Только после этого она перевела взгляд на Квинтуса и ответила:

– Мне было дано предсказание. Розыски мастерской Дедала, расположенной в лабиринте, должна возглавить я.

Никто не разразился криками радости. Я хочу сказать, мы все хотели, чтобы Аннабет было поручено провести самостоятельный поиск, но спуск под землю все мы считали слишком опасным. А лично мне, особенно после того, как я повидал Криса Родригеса, мысль о том, что Аннабет предстоит очутиться в лабиринте, казалась совсем ужасной.

Хирон задумчиво постукивал копытом по полу.

– Ты не могла бы дословно повторить все пророчество, полученное тобой, Аннабет? Каждое слово, произнесенное оракулом, очень важно.

Аннабет набрала побольше воздуха в грудь, помолчала.

– Я, э-э... ладно, примерно так: «Будешь бродить в нескончаемой тьме лабиринта».

Все слушали ее, затаив дыхание, и ждали, что будет дальше. Она продолжала:

– «Мертвый, предатель и прежде пропавший восстанут».

– Пропавший? – Гроувер резко вскинул голову. – Это, наверное, о Пане! Вот здорово!

– Ага. Причем восстанет вместе с умершим и каким-то предателем, – напомнил я. – Просто замечательно!

Не нравилось мне это пророчество.

– А дальше? – нетерпеливо прервал нас Хирон. – Что было сказано дальше?

Аннабет продекламировала:

От руки царя-призрака падет иль поднимется
Чадо последней надежды Афины.

Когда Аннабет закончила, никто из ребят долго не нарушал подавленного молчания. Аннабет была дочерью богини Афины, и поэтому выражение «последней надежды Афины» не могло нас ободрить.

– Не будем делать поспешных выводов, – раздался спокойный голос Силены. – Аннабет, кажется, не единственное дитя богини Афины.

– А кто такой царь-призрак? – осведомился Бекендорф.

Ответа на этот вопрос ни у кого не было. Я вспомнил, что позавтракав ночью, получив послание Ириды, я оказался свидетелем того, как Нико призывал духов. Странное, нехорошее предчувствие говорило мне, что предсказание оракула как-то связано с Нико.

– Больше ничего оракул тебе не говорил? – спросил Хирон. – Только эти строки? Видишь ли, Аннабет, они кажутся мне какими-то незаконченными, что ли.

Аннабет явно колебалась.

– Точно не помню, – пробормотала она.

Брови кентавра недоуменно поползли вверх. Память Аннабет славилась на весь лагерь, она никогда не забывала того, что хоть однажды услышала. Сейчас, почувствовав его сомнение, она беспокойно заерзала на месте, потом продолжала:

– Было еще что-то... я точно не помню... примерно так: «Рухнет с героя последним

дыханьем».

– И?.. – не отставал Хирон.

– Слушайте, главное в том, что мне надо войти в лабиринт! – Аннабет встала. – Я должна отыскать мастерскую и остановить Луку. Но мне нужна будет помощь. – Она обернулась ко мне. – Пойдешь со мной, Перси?

– Конечно пойду. – Я ни минуты не колебался.

Впервые за последние дни лицо ее осветила улыбка, и на душе у меня повеселело.

– Гроувер, а ты? Бог дикой природы ждет.

Гроувер, казалось, начисто забыл о том, как он ненавидит подземелья. Слова о «прежде пропавшем» вселили в него бездну энергии.

– Только прихватчу с собой еду!

– И ты, Тайсон. – Аннабет позвала и моего брата. – Мне понадобится и твоя помощь тоже.

– Ура! Мы им такое устроим! – Тайсон захлопал в ладоши с такой силой, что разбудил Миссис О’Лири, задремавшую в уголке.

– погоди-ка, Аннабет, – вмешался Хирон, – что-то ты действуешь не по правилам. Герой, выступая в поход, может взять с собой только двух спутников.

– Но мне нужны трое, – настойчиво возразила Аннабет. – Хирон, вы не знаете, как это важно!

Понятия не имею, почему она так уж была в этом уверена, но я ужасно обрадовался, что Аннабет пригласила в поход Тайсона. Мне даже думать не хотелось, что предстоит отправиться куда-то без моего брата. Он такой огромный, сильный и здорово мастерит разные механические штуки. К тому же, в отличие от сатиров, ничуть не боится подземного мира.

– Аннабет, послушай. – Хирон нервно обмахивался хвостом. – Подумай хорошенько. Ты ломаешь законы древних времен, и это может иметь непредсказуемые последствия. Прошлой зимой, например, когда на выручку Артемиды отправились пятеро, вернулись только трое. Говорю тебе, подумай еще раз. Три – это священное число. Нам известно, что было три мойры, три фурии, у небожителя Кроноса – трое сыновей-олимпийцев. Это хорошее, надежное число, и оно поможет тебе в минуту опасности. Четыре... Четыре, на мой взгляд, это рискованно.

– Я знаю, Хирон. – Аннабет глубоко вздохнула. – Но так надо. Прошу вас, не спорьте со мной.

Я видел, что кентавр ужасно недоволен. Квинтус же изучал нас с откровенным любопытством, как будто этого человека занимала только одна мысль – кто из этих искателей приключений вернется обратно живым.

Хирон тяжело вздохнул.

– Хорошо. Участникам поиска просьба подготовиться. Завтра на рассвете мы проводим вас к лабиринту.

Когда совет был закончен, Квинтус отозвал меня в сторону и сообщил, что ему эта затея сильно не нравится.

Миссис О’Лири крутилась вокруг нас, довольно помахивая хвостом, потом вдруг уронила свой щит-игрушку прямо к моим ногам. Я поднял его и швырнул обратно. Когда адская гончая потрусилась за щитом, Квинтус проводил ее пристальным взглядом. Мне же в

это время припомнился рассказ дриады Можжевельки о том, что он украдкой наведывался к входу в лабиринт. Я и раньше отчего-то не доверял этому человеку, сейчас же он стал мне казаться вдвойне подозрительным. Но когда он перевел на меня взгляд, я увидел в его глазах искреннюю озабоченность.

– Я против того, чтобы кто-либо из вас спускался в лабиринт, – продолжал он. – Любой из полукровок. Но если это так уж необходимо, то я хотел бы кое о чем тебя предупредить. Лабиринт создан для того, чтобы заманить поглубже в свои недра и не выпустить. Он обладает способностью отвлекать и дурачить и тем опасен для полукровок. Ведь мы действительно склонны легко забывать о главном.

– Вы там бывали?

– Когда-то бывал, – произнес он резко, почти оборвав меня. – Очень давно. Я там чуть жизни не лишился. И далеко не всем еще так повезло, как мне.

Квинтус сжал мое плечо.

– Перси, имей в виду, ты не должен забывать о самом важном. Ты обязан приказать себе не отвлекаться. Только в этом случае тебе, может быть, удастся отыскать правильную дорогу. И еще одно. Мне хотелось бы подарить тебе кое-что.

С этими словами он протянул мне коротенькую серебряную трубочку. Я взял ее в руки и вздрогнул, она показалась мне такой ледяной, что я чуть не выронил ее на землю.

– Что это? – спросил я. – Свисток?

– Свисток для домашней собаки, – кивнул Квинтус. – Я пользуюсь им, чтобы подзывать Миссис О’Лири.

– Хм. Спасибо, конечно, вам, но...

– Думаешь, в лабиринте он не сработает? Не могу сказать, что абсолютно уверен, но, думаю, все-таки сработает. Миссис О’Лири, как ты знаешь, порождение ада, и она обязательно явится на твой зов, не важно, как бы далеко она ни находилась за секунду до этого. Мне будет легче, если я буду знать, что он у тебя есть. Если тебе понадобится помощь, воспользуйся им. Только будь осторожен. Этот свисток изготовлен из стигийского льда.

– Из чего?

– Из льда реки Стикс. Выковать его было задачей чертовски сложной, к тому же и работа тут тонкая. Растаять он не может, но стоит тебе в него разок дунуть, как он тотчас расколется на мелкие кусочки. Сам понимаешь, что это значит. Им можно воспользоваться лишь однажды.

Мне пришла в голову мысль о Луке, моем заклятом враге. Как раз накануне того дня, когда я отправлялся в свой первый поиск, он тоже преподнес мне подарок – волшебные туфли. И оказалось, сделаны они были таким образом, что вели прямоком к смерти. Но Квинтус казался сейчас таким добрым, таким искренне озабоченным... К тому же Миссис О’Лири была явно привязана к своему хозяину, а это кое-что да значит.

Как раз в эту минуту она приволокла игрушечный щит, уронила его, весь обслюнявленный, мне на ноги, а сама принялась вдохновенно лаять.

Когда я поймал себя на том, что не доверяю этому человеку, мне даже стало стыдно. Но ведь когда-то я доверял и Луке.

– Спасибо большое, – поблагодарил я Квинтуса, сунул ледяной свисток в карман и мысленно пообещал себе никогда им не пользоваться.

Потом я отправился разыскивать Аннабет.

За те три лета, что я провел в лагере, мне ни разу не приходилось бывать в домике детей Афины.

Это было серебристого цвета, строгое здание, с затянутыми белоснежными занавесками окнами и вырезанной над дверным проемом маской совы. Ее круглые глаза из оникса, казалось, следили за мной, когда я подходил к шатру.

– Эй, есть тут кто? – спросил я, осторожно заглядывая внутрь.

Никто не отозвался. Я сделал еще шаг, и дыхание у меня перехватило. Это место явно было предназначено для смысленных ребятишек. Все койки оказались сдвинутыми к одной стене, как будто отдых и сон имели для здешних обитателей второстепенное значение. Почти все пространство комнаты заполняли рабочие верстаки, какие-то станки, инструменты и оружие. Задняя же часть помещения предназначалась для книг, здесь громоздились целые ворохи старинных свитков, связки книг в потертых переплетах, кучи папок с бумагами. Я увидел даже огромный чертежный кульман, на доске которого были разложены линейки, транспортиры, стояло несколько трехмерных макетов зданий. Огромными старыми военными картами эти ребята оклеили потолок, а полный набор доспехов повесили рядом с окном, и сейчас солнце играло на их блестящей поверхности.

Аннабет стояла в заднем конце комнаты и рылась в старых пергаментях.

– Тук, тук, – дурашливым голосом сказал я.

Она вздрогнула и испуганно обернулась.

– Ой! А, Перси, привет. Не слышала, как ты вошел.

– Все нормально?

Аннабет продолжала хмуро разглядывать свиток, который держала в руках.

– Понимаешь, пытаюсь кое-что сообразить. Лабиринт, созданный Дедалом, был огромен. Но ни одна из историй, рассказанных о нем, не сходится с другими. Карты, описывающие его, ведут из ниоткуда в никуда.

Я вспомнил слова Квинтуса, сказанные мне всего минуту назад, о способности лабиринта рассеивать внимание, и подумал, что то, о чем говорит Аннабет, и есть эта самая особенность лабиринта.

– Разберемся, – бодро пообещал я.

Аннабет выглядела ужасно: волосы растрепались и как спутанная завеса висели по сторонам ее лица, серые глаза казались почти черными.

– С семи лет я мечтала провести самостоятельный поиск, – пробормотала она почти про себя.

– Имей в виду, что ты нацелилась на грандиозную задачку.

Она бросила на меня благодарный взгляд и тут же снова вернулась к книгам и свиткам, снятым ею с полок.

– Мне и самой тревожно, Перси. Может, мне не следовало вовлекать тебя в это дело? Как и Тайсона с Гроувером?

– Эй, ты чего? Мы ж твои друзья. Как мы могли оставить тебя одну?

– Но... – Внезапно она замолчала.

– Чего ты? – спросил я. – Тревожишься из-за предсказания?

– Я уверена, что оно благоприятное. – Голос ее прозвучал как-то жалобно.

– Какая там была последняя строчка?

То, что вдруг сделала Аннабет, меня по-настоящему удивило. Она смахнула с глаз слезы и протянула ко мне руки. Что мне было делать? Я шагнул к ней и обнял за плечи. В животе у

меня что-то завертелось, будто я наглотался бабочек.

– Все будет... будет нормально, – сказал я и потрепал ее по спине.

Мне вдруг стало до невозможности хорошо. Даже показалось, что я смог бы прочесть самые маленькие буквы во всех этих книжках. Аннабет продолжала вздрагивать. Волосы ее пахли как лимонное мыло.

– Хирон, может, и был прав, когда сказал, что я нарушаю правила, – шепотом говорила она, – но я просто не знаю, как быть. Мне нужны вы трое. И я почти уверена, что поступила правильно.

– Не думай ты об этом. – Мне так хотелось ее успокоить! – У нас и раньше бывали проблемы, но мы же как-то справлялись с ними.

– Тогда было другое дело. Я не хочу, чтобы с вами случилось что-нибудь плохое... ни с кем из вас.

Позади вдруг раздался чей-то кашель, я оглянулся и увидел Малколма, одного из братьев Аннабет. От смущения он стал красным как помидор и, увидев, что я оглянулся, торопливо забормотал:

– Гм, я извиняюсь. Там урок по стрельбе из лука, и Хирон велел мне разыскать тебя, Аннабет.

Я отошел от Аннабет и глупо промямлил:

– Мы тут разные карты рассматриваем.

– Отлично, – пожал плечами Малколм.

– Передай Хирону, что я уже иду, – попросила Аннабет, и он быстро вышел.

– Ты иди пока один, Перси. – Она стала вытирать с глаз следы слез. – Мне нужно привести себя в порядок.

Я кивнул, чувствуя себя более смущенным, чем когда-либо в жизни. Мне хотелось сбежать отсюда как можно скорей, но что-то удерживало меня.

– Послушай, Аннабет, – снова начал я. – Я хочу кое-что спросить о том, что предсказал тебе оракул. Помнишь строчку, где говорится «с героя последним дыханьем»?

– Тебе интересно, кто этот герой? Понятия не имею.

– Нет, не это. Я подумал, что обычно последняя строчка рифмуется с предыдущей. Там, случайно, не было слова «умираньем»?

– Перси, тебе вправду пора. – Аннабет опустила глаза. – Ступай, надо готовиться к поиску. Мы... мы увидимся завтра утром.

Я оставил ее в одиночестве, разглядывающей карты, которые вели из ниоткуда в никуда, и ушел. Но тревожное чувство, что кому-то из нас не вернуться из этого поиска живым, не оставляло меня.

Глава пятая

Нико заказывает «Хэппи Мил» для мертвецов

[6]

Вы, наверное, думаете, что я, по крайней мере, хорошенько выспался перед началом поиска?

Не тут-то было.

Всю ночь меня преследовали сны, в которых я видел себя на борту «Принцессы Андромеды», в ее парадных покоех.

Открытые иллюминаторы смотрели на залитый лунным светом морской простор. Свежий бриз чуть колыхал бархатные занавески.

Перед золотым саркофагом Кроноса, на застланном персидским ковром полу, на коленях стоял Лука. В свете луны его светлые волосы казались почти белыми, одет он был в древнегреческий хитон, и белый гиматий, похожий на плащ, струился у него за плечами. Из-за этих белых одежд Лука словно бы выпадал из времени и становился похожим на кого-то из младших богов Олимпа. В последний раз, когда я его видел, он был едва жив и валялся без сознания после неудачного падения с горы Тамалпаис. Но сейчас он выглядел на все сто. На мой взгляд, даже слишком хорошо.

– Наши лазутчики рапортуют об успехах, повелитель, – говорил он. – Лагерь полукровок организует поиск, как вы и предсказывали. Условия сделки с нашей стороны успешно выполнены.

«Превосходно. – Голос Кроноса словно кинжалом врезался мне в уши. Он буквально сочился жестокостью. – Как только путь через лабиринт будет известен, я сам встану во главе войска».

Лука на минуту прикрыл глаза, как будто собираясь с мыслями.

– Мой повелитель, не слишком ли вы торопитесь? Возможно, лучше пусть Криос или Гиперион поведут...

«Нет. – Голос тихий, но непреклонный. – Поведу войско я. Еще одно сердце героя присоединится к нам, и все будет кончено. Тогда я наконец восстану из Тартара».

– Но ваш облик, повелитель... – Голос Луки задрожал.

«Покажи мне свой меч, Лука Кастеллан».

Меня пробрала крупная дрожь. Я никогда раньше не слышал фамилию Луки. Почему-то даже не думал, что она у него есть.

Лука тем временем вытащил меч. Двойное лезвие ослепительно сверкнуло – оно было выковано наполовину из небесной бронзы, наполовину из стали. Столкнувшись с ним, не однажды я побывал на волосок от смерти. Это оружие крайне опасно как для смертных, так и для чудовищ. Единственный клинок, которого я по-настоящему опасался.

«Ты принес мне клятву верности, – продолжал в это время звучать в моем мозгу голос Кроноса. Он обращался к Луке с такой твердостью, словно напоминал о чем-то. – Ты поклялся на этом мече».

– Это так, господин, но только...

«Ты просил о власти. Я дал ее тебе. Теперь никто не осмелится причинить тебе вред. Скоро, скоро ты станешь править миром богов и людей. Разве ты не жаждешь мщенья? Разве ты не хочешь погубить Олимп?»

Лука содрогнулся, но ответил утвердительно:

– Хочу.

Саркофаг вдруг засиял, золотой свет, исходящий от него, залил каждый угол комнаты.

«Тогда готовься к сражению. Как только сделка будет исполнена, мы перейдем в нападение. Сначала Лагерь полукровок, мы оставим от него лишь прах и пепел. Как только эти надоедливые герои будут сметены с лица земли, мы пойдем на Олимп».

В это время в дверь парадных покоев неожиданно постучали. Золотое свечение стало затухать, Лука поднялся на ноги. Он вложил меч в ножны, поправил белоснежные одежды и глубоко вздохнул, успокаиваясь.

– Войдите.

Двери отворились, и внутрь скользнули две драконицы – женщины, чье туловище вместо ног опиралось на раздваивающееся змеиное тело. Между ними шла Келли, та самая эмпуса, которую я видел в школе Гуди.

– Привет, Лука, – заулыбалась она.

На ней было красное платье, и выглядела она вроде неплохо, но я видел ее настоящий облик. Видел то, что сейчас Келли не позаботилась спрятать, – красные глаза, разные ноги, клыки во рту и пылающие огнем волосы.

– В чем дело, демон? – Голос Луки звучал недоброжелательно. – Я просил не беспокоить меня.

– Не слишком красиво с твоей стороны так меня встречать. – Келли обиженно надулась. – И вообще, ты выглядишь напряженным. Может, тебе сделать хороший массаж?

Лук поспешно отступил от нее.

– Если у тебя есть информация, эмпуса, докладывай. Или уходи!

– С чего это ты в последнее время такой заносчивый? Раньше нам с тобой было так славно!

– Потому что тогда я еще не видел, чем ты занималась с тем парнем в Сиэтле!

– Фу, да он для меня пустое место, – фыркнула Келли. – Обычная закуска, вот и все. Правда, Лука. Ты же знаешь, мое сердце принадлежит только тебе.

– Благодарю, но не нуждаюсь. Говори или уходи!

Келли пожала плечами.

– Отлично. В таком случае докладываю. Передовой отряд готов выступить, как только получит твой приказ. Мы можем выйти... – Не договорив, она нахмурилась и стала оглядываться.

– Что еще? – спросил Лука.

– Здесь кто-то есть! Твои чувства притупились, Лука. За нами следят!

Ее пристальный взгляд медленно и хищно скользил по комнате. И вдруг эмпуса уставилась прямо на меня! В тот же момент лицо Келли покрылось морщинами, как у старой ведьмы, отвратительная пасть ощерилась желтыми клыками. И эмпуса прыгнула вперед!

Я очнулся от кошмара, сердце мое билось как ненормальное. Я мог бы поклясться, что клыки эмпусы только что щелкнули в дюйме от моего горла.

На соседней койке бодро храпел Тайсон, и этот мирный звук немножко меня успокоил.

Понятия не имею, как Келли могла меня учуять, но сейчас не это важно. Я услышал больше, чем мне хотелось бы. Армия Луки готова, и Кронос лично поведет ее. Все, чего им пока не хватает, это сведений о лабиринте, которые помогли б им вторгнуться сюда и

разрушить наш лагерь. Лука не сомневается в неизбежной победе над нами.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Дислексия – термин, означающий неспособность обучиться чтению. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. перев.)*

Бонго – небольшой сдвоенный барабан.

Эмпус – в древнегреческой мифологии чудовище из окружения Гекаты. Заманивает свои жертвы, принимая вид прекрасной девы или страшного призрака. Одна нога у него бронзовая.

Городская магистраль имени Франклина Делано Рузвельта.

120° по Фаренгейту равно 49° по Цельсию.

«**Happy Meal**» (*для тех, кто не знает*) – это такой набор для детей, который продают в «Макдоналдсах». В него входит еда и какая-нибудь игрушка. (*Прим. ред.*).